

АННА ШНАЙДЕР

Я ТЕБЯ
ПРИДУМАЛА

Анна Шнайдер

Я тебя придумала

<https://litres.ru/74204718>

Аннотация

Однотомник.

Каково это - оказаться в собственной книге? Когда сидишь перед экраном компьютера, даже не представляешь, что будешь делать, если вдруг окажешься там, среди её героев. И поймёшь, что те, чьи судьбы ты вершил, на самом деле - живые и настоящие. Полина не знает, почему очутилась там, в мире, который сама придумала. Она не знает, как вернуться обратно. И почему события вдруг стали происходить иначе, а не так, как она описывала? И как она связана с императором собственного мира и таинственными проклятыми магами, сказку о которых она когда-то придумала?..

Можно читать отдельно от остальных книг Эрамирского цикла.

Содержание

Пролог	4
Глава первая, в которой вымысел становится явью	7
Глава вторая, в которой я пытаюсь понять, что делать дальше	29
Глава третья, в которой я спасаю, но не спасаюсь	51
Глава четвёртая, в которой всё становится ещё хуже	78
Глава пятая, в которой я учусь летать	114
Глава шестая, в которой мы начинаем путешествие к столице	148
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Пролог

Как жаль, что свечка почти догорела. У неё осталось совсем мало времени — пара часов, и огонёк погаснет. Но ничего другого она так и не сумела достать.

Маленькая девочка в длинной белой ночной рубашке скользила по коридору, загораживая ладошкой дрожащее пламя свечи, и с тревогой оглядывалась по сторонам. Только бы не заметили! Только бы не засекли! А то с отца станется, он запрет библиотеку, и она больше не сможет проникать туда по ночам. А ей это жизненно необходимо, потому что вопросы она может задавать только книгам.

Спустившись по лестнице, на каждой секунде замирая, боясь, что скрипнет половица, девочка наконец достигла массивных дверей в библиотеку. Осторожно приоткрыла их, скользнула внутрь и также осторожно закрыла. Как только створки сомкнулись, она важно кивнула — не хватает ещё, чтобы кто-нибудь из слуг, страдающих бессонницей, увидел слабый огонёк в щели между дверьми.

Обернувшись, девочка покосилась на огромные книжные шкафы, смотревшие на неё, как ей казалось, с укоризной. Но что она могла ответить? Другого времени, чтобы добыть нужную информацию, у неё не было.

Сколько книг... Она приходила сюда каждую ночь на протяжении вот уже трёх месяцев, но пока поиски заканчива-

лись только очередным разочарованием и досадой. Никто почему-то не писал о том, что её интересовало.

В этот раз девочка, покосившись на догорающую свечку, решительно подошла к полке со старыми легендами и сказками. Вряд ли, конечно, она что-то там найдёт, но лучше сейчас не затевать ничего грандиозного — скоро свет погаснет, и если она не успеет убрать книги на полку...

Нужно обязательно следить за огнём!

Девочка провела по корешкам тонкими, изящными пальцами. Вытащила одну из книг, наугад, потому что ей понравилось ощущение бархатистой кожи под рукой.

Томик был старым и пыльным. Захотелось чихать. Девочка уселась на диван посреди библиотеки, осторожно поставила свечку на стол, рядом положила книжку и трепетно открыла её.

Так, что тут у нас... Оглавление! Отлично. Какой предусмотрительный составитель. В старых книгах обычно не бывает указателей или хотя бы простого содержания, и девочке частенько приходилось перелистывать весь том. Но не в этот раз.

Она не верила глазам. Да! После трёх месяцев поисков, которые уже начинали приводить её в отчаяние, кажется, она наконец нашла то, что хотела.

Девочка заскользила тонким пальчиком по странице, лихорадочно вчитываясь в потускневшие от времени слова.

По какой причине они появились и как их уничтожить —

никому неведомо. Сила их безгранична, природа магии непонятна, возможности до конца не известны. И опасны они, как голодные хищники, потому что нет Света в их душе, потому что рождены они проклятыми и ненавистными собственным родителям, и не могут они умереть, как обычные люди, потому что не живут. Не живут они, потому и умереть не могут, ибо не люди, и судьба их горька и незавидна, а называют их вышедшими из Тени, проклятыми магами...

Девочка сморгнула выступившие на глазах слёзы и глубоко вздохнула.

Правда оказалась мучительной.

Но ничего... ничего. Она выдержит. Да и поиски ещё не закончены.

— Жаль только, что ответа на главный вопрос я в книгах не найду, — прошептала она и усмехнулась. — Они ведь не смогут мне рассказать... за что ты так ненавидела меня, мама?

Глава первая, в которой вымысел становится явью

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — важно ответил Король, — продолжай, пока не дойдёшь до конца. Как дойдёшь — кончай!
«Алиса в стране чудес»

Глубоко вздохнув, я поставила последнюю точку в рукописи.

Ну, вот и всё. Четыре месяца работы — и передо мной законченная книга... Моя книга. Я удовлетворённо улыбнулась. Осталось только несколько раз перечитать, возможно, переписать несколько неудачных сцен, но в целом — рукопись можно считать завершённой.

Настенные часы показывали полдевятого утра. Я специально встала пораньше, чтобы успеть до работы закончить все дела, да и по пути нужно будет заглянуть к подружке, она редактором в издательстве работает, обещала всё прочитать и отредактировать.

Зашуршал принтер, выплёвывая листы. Олеся предпочитала смотреть распечатку — так было проще, на полях она сразу писала замечания. Для такого дела мне и картриджа не жалко было.

Я впрыгнула в джинсы, нацепила тоненькую футболку — на дворе стоял июль — и только выскочила в коридор, как раздался звонок в дверь.

— Привет, — устало сказал Игорь, мой муж, заходя в квартиру. — Уже уходишь?

— Ага, — кивнула я, выуживая из-под скамейки свои сандалии. — Там чайник ещё горячий, можешь чайку попить.

— Не, — махнул рукой муж, — я сразу спать. Еле на ногах стою. Ты дописала свою книжку?

Я встала с коленей, выпрямилась, гордо подбоченилась и заявила:

— Да!

Представляю, как это забавно выглядело со стороны — росту во мне метр с кепкой в прыжке, и стоя перед двухметровым Игорем в такой позе, я чувствовала себя мышью, которая хвастается литературными талантами перед жирафом.

— Здорово! — муж радостно улыбнулся, наклонился и обнял меня. — Понесёшь Олесе?

Я закивала, уткнувшись в его шею. Она, как это у него всегда бывало после работы, пахла булочками. Игорь работал в булочной-кондитерской, и после смены от него так вкусно пахло, что мне иногда хотелось его укусить.

— Ой, слушай! — я подпрыгнула и уставилась мужу в глаза в полнейшем восторге. — Чуть не забыла! Мне та-а-акой сон снился!..

Необычные сны — это моя особенность. С детства их ви-

жу почти каждую ночь. Да и сюжеты своих книжек часто из снов беру.

— Мне снилось, что я лечу! Причём летела я не просто абь где, а в своём мире. Ну, из этой книжки, которую сегодня дописала. Значит, лечу я себе, вижу — замок какой-то, красивый, только мрачный очень. Подлетаю ближе, смотрю — девушка стоит на балконе. Платье такое серебряное, красивое! А девушка такая печальная-печальная, только что не плачет. А потом понимаю, что это я! Я так удивилась, что проснулась. Здорово, правда? Ни разу ещё саму себя во сне не видела.

— Да уж, — хмыкнул Игорь. — Завидую тебе, честно говоря.

— Ты уже это говорил, — я хихикнула. Мужу за всю жизнь ни одного сна не приснилось. Я раньше думала, что это невозможно, пока Игоря не встретила. Он клялся и бо-жился, что ни разу не видел никаких снов — ни странных, ни смешных, ни страшных... никаких.

— Говорил, — Игорь зевнул. — Хотел бы я, чтобы мне приснилось что-нибудь... эдакое. Вот как тебе сегодня.

— Договорились, — важно кивнула я, вздёрнула нос и чмокнула мужа в щёку. — Я дарю тебе свой сон! Наслаждайся!

— Ну-ну, — он скептически хмыкнул. — Думаешь, сра-ботает?

— Честное авторское! Это же мой сон, я его автор, так

ведь? Вот я его тебе дарю!

— Ну тогда пойду я, посмотреть твой подарок, — рассмеялся Игорь, направляясь к кровати. — А то сегодняшняя ночная смена меня доконала.

Я проводила мужа взглядом, натянула сандалии, метнулась к принтеру и вытащила напечатанную рукопись. И уже перед выходом, запихнув пачку листов в сумку, крикнула:

— Ты запоминай, если вдруг чего приснится! Может, я потом по твоему сну книгу напишу.

В ответ из-под одеяла раздалось невнятное бормотание.

Жара на улице стояла почти невыносимая. Я быстро шла к метро, пытаюсь догнать время — на работу я уже опаздывала, а ведь нужно ещё рукопись Олеся занести.

Да, кстати! Надо её предупредить, что я загляну, а то вдруг она спит. Заодно проснётся! А что? Много спать вредно!

Угроздило же меня подумать об этом посреди проезжей части. Я зарылась в сумку в поисках мобильного телефона и, конечно же, не заметила внезапно вынырнувшей из-за поворота машины. Перекрёсток у нас вообще опасный, по сторонам нужно обязательно смотреть...

И под визг тормозов и вспышку ослепительной боли успела только подумать: «Какая глупая смерть...»

Мне было мокро.

Да, именно так — очень-очень мокро в районе пятой точки. Всё тело болело так, будто меня кто-то переехал.

А, ну да! Так оно и есть. Видимо, я в больнице.

Хм. Нет, не может быть! Тогда почему мне мокро?! Хотя ладно, это ещё можно объяснить. Но откуда в больнице птички?! А я совершенно точно слышала их щебетание у себя над головой.

Осторожно приоткрыв один глаз, я огляделась. Надо мной вставал лес. Зелёный, яркий, как на рекламных плакатах. Носом я учуяла запах жарящегося мяса и чего-то цветочного, почти неуловимого и тонкого.

Неожиданно чья-то нежная рука легла мне на лоб.

— Она живая! — услышала я певучий девичий голосок. Девушка осторожно приподняла мою голову и участливо спросила:

— Кто ты? Что с тобой случилось?

Голова немного кружилась, но я постаралась выпрямиться и посмотрела на незнакомку. И почти тут же почувствовала себя человеком, который увидел розового слона.

Нет, слоном незнакомка не была. Изыщная, высокая и стройная, она была одета в охотничий костюм. За плечом висел лук. Серебряные волосы были стянуты в высокий хвост — чтобы не мешались — открывающий острые, аккуратные ушки. Светлые брови и ресницы, а глаза — пронзительно-зе-

лёные, абсолютно нечеловеческие. Впрочем, человеком моя новая знакомая и не была. Да и новой знакомой она тоже не была. Скорее, старой...

Передо мной сидела Эмиландил — эльфийка, главная героиня моей книги.

Я почувствовала, как губы растягиваются в совершенно глупой и дурной улыбке. Судя по всему, Эмиландил это не очень понравилось — она озабоченно наклонила голову и, приблизившись, начала меня ощупывать.

— Вроде никаких повреждений, кроме шишки на затылке...

Я втянула носом воздух — да, этот тонкий цветочный запах шёл именно от эльфийки, я всё правильно поняла.

Кажется, я сошла с ума. Какая досада.

— Может, ты не можешь говорить? — в голосе Эмиландил сквозило сочувствие. Я прокашлялась и хрипло пробормотала:

— Да нет, почему же... Могу я говорить.

— О! — обрадовалась эльфийка. — Очень хорошо! Как тебя зовут?

— Полина, — честно призналась я.

Эмиландил зависла.

— По-ли-на, — произнесла она моё имя по слогам. — Какое-то у тебя странное имя.

— Ты можешь называть меня Линн, — легко переименовала я саму себя в один из своих старых ников.

— Линн, — улыбнулась эльфийка. — На нашем языке это означает «маленькая». Тебе подходит.

Я улыбнулась в ответ. А что ещё мне оставалось делать? Скакать по поляне и устраивать истерики? Во время нашего диалога я больно щипала саму себя за руку, надеясь на то, что проснусь — бесполезно! Нет, конечно, боль я чувствовала, но вот почему-то не просыпалось.

И даже бред у меня какой-то странный, не как у других людей. Нет бы там, зелёные человечки, чёртики, свет в конце туннеля, что там ещё бывает... В крайнем случае — призраки мёртвых родственников. Хотя, нет, уж лучше Эмиландил!

— Что с тобой случилось, Линн? — поинтересовалась эльфийка, задумчиво рассматривая мою странную одежду. Ну да, джинсы, футболка с абстрактным рисунком и кожаная сумка — для выдуманного мной мира это весьма необычная одежда.

Стоп! Кожаная сумка?!

Я действительно прижимала к себе свою любимую кожаную сумку! Она была абсолютно целой, даже кошелёк вон, на месте. И мобильный телефон.

Какой всё-таки у меня странный бред.

Надпись «сети нет» на экране просто умилила.

— Я... — запнулась, раздумывая над тем, что бы мне сказать. — Я не помню... вообще ничего не помню, кроме имени.

Эмиландил задумчиво подёргала себя за серебристый

хвостик. В этот момент из-за её спины раздался чей-то очень недовольный голос:

— Что там у тебя, Милли?

И моему взору предстал... Да! Это был он, орк Грым, предводитель отряда, с которым Эмиландил путешествовала в самом начале моей книжки.

Так-так-так. Погодите. В самом начале... Ой, мамочки.

Но не успела я развить свою шальную мысль, как Грым, поморщившись при виде меня, сказал:

— Человечина, значит. Зачем она тебе, Милли? Что ты собираешься с ней делать?

Ну да, а я и забыла, что Грым терпеть не может людей. Мило. Теперь мне будет хамить собственный персонаж. Какая прелесть!

Я уже говорила, что у меня очень странный бред?!

— Она поедет со мной, — ответила Эмиландил, подавая мне руку. Молодец, хорошая девочка! Не зря я тебя главной героиней сделала.

Грым скривился ещё сильнее. А я невольно залюбовалась им. Всё-таки приятно увидеть того, кого только представлял, так сказать, наяву. Хотя какая уж тут явь... Но какая разница? Главное, что ощущения реальные.

Огромный, двухметровый, широкоплечий и мускулистый, он был больше меня раз, наверное, в десять. Кожа зелёная, из-под верхней губы торчат небольшие клыки, нос широкий, мясистый, лысая черепушка... Немного похож на Николая

Валуева, только зелёный. И с клыками. Одет в кожаные штаны и широкую рубашку — всё травянисто-зелёного цвета, чтобы в лесу не выделяться. Ух ты, какие сапоги! Интересно, какой это размер? У нас таких и не делают, наверное. Одним таким сапогом убить можно! Меня так точно.

— Зачем тебе эта человечина, Милли? От них одни проблемы. Дай ей денег, пусть идёт своей дорогой.

Наткнувшись взглядом на мою улыбку, Грым поперхнулся.

— Ты чего так уставилась? — с подозрением протянул он. Я улыбнулась шире.

— Ты так говоришь — «человечина» — как будто сожрать меня собираешься, — радостно ответила я.

Эмиландил хихикнула. Во взгляде Грыма мелькнуло удивление.

— А ты меня не боишься? — прищурился он, глядя на мою персону с ещё большим подозрением.

Я хмыкнула. Бояться собственного персонажа? Не дождёться! Хотя, конечно, придумала я его достаточно свирепым и жестоким. Но вот почему-то совсем не страшно. Ни капельки. Наоборот — нравится он мне, и всё тут.

Глаза у Грыма, кстати, были прикольные — каре-зелёные, с вертикальными зрачками, они почему-то казались мне смутно знакомыми. Хотя, наверное, так и должно быть — это ведь я его придумала.

— А надо? — я улыбнулась орку. Несколько долгих се-

кунд он рассматривал меня с удивлённо-презрительным выражением на лице, а затем молча развернулся и пошёл прочь.

— Не обращай внимания, — обратилась ко мне Эмилиандил, ободряюще сжимая мою руку, — Грым просто не очень любит людей.

А то я не знаю!

Только поднявшись на ноги, я поняла, почему же мне было так мокро. Невдалеке обнаружился ручей, видимо, я какое-то время лежала в нём своей филейной частью. Хорошо, что сумку не замочила.

— Пойдём, — продолжила эльфийка, махнув рукой куда-то в сторону, — мы там как раз обед готовим. Поешь, а потом сообразим, что с тобой дальше делать.

Я кивнула и посеменила за Эмилиандил.

Неподалеку от ручья, в котором я валялась, на небольшой лесной опушке расположился отряд Грыма. Я обвела любопытным взглядом тех, кого совсем недавно описывала. Сейчас они все сидели у костра и настороженно уставились на нас с Эмилиандил, как только мы вышли из леса.

Красивый у меня мир всё-таки получился — ярко-зелёный, птички поют, небо синее, высокое. И воздух такой... прозрачный, невесомый, чистый... Настоящий воздух, в общем. В Москве это не воздух уже, а так, пыль сплошная.

Эрамир — так называлось это место. Точнее, так я его назвала.

— Милли, — обратился к эльфийке один из сидящих воз-

ле костра, — ты не представишь нас этой юной человечке?

— Да, конечно, — Эмиландил вновь взяла меня за руку и подвела поближе. — Линн, это Браш, он маг, причём очень сильный, — темноволосый мужчина с цепкими чёрными глазами сдержанно кивнул мне. Я осторожно улыбнулась. Слишком уж хорошо я знала его характер — с Брашем нужно держать ухо востро.

— Торгис, — Эмиландил представила угрюмого рыжего гнома, глядевшего на меня исподлобья. Если учесть, что Торгис при этом ещё стругал ножом острый колышек дерева, то становилось понятно, почему мне так резко захотелось убежать от собственных персонажей.

— Ну и последний участник нашего похода — Бугалон. Он тролль, но ты не бойся, он не причинит тебе вреда, — Эмиландил улыбнулась мне. А я уже всю рассматривала огромного Бугалона. Большие руки сжимали краюшку хлеба, словно не знали, что с ней нужно делать. Стриженный под горшок, с курносым носом-пяточком и маленькими тёмными глазками, Бугалон напоминал мне пародию на русского богатыря, большого и немного туповатого. Или не немного. Это смотря в чём измерять.

— Я не боюсь. Очень приятно. А я — Линн.

Мой Эрамир населяли различные существа. Орки, тролли, эльфы — светлые и тёмные, как положено! — гномы, оборотни, люди... Это самые многочисленные расы, остальные — например, дриады, — встречались не так уж часто.

Когда-то давно они все жили по отдельности, но примерно двести лет назад один великий император объединил земли Эрамира.

Вот с тех пор они так и называли себя: Объединенные земли Эрамира. Но... так уж исторически сложилось, что некоторые расы, хоть и жили бок о бок друг с другом, всё же испытывали взаимную неприязнь. Например, враждовали светлые и тёмные эльфы, тролли и любые эльфы, орки и люди. Хотя к людям все расы испытывали противоречивые чувства. Продолжительность их жизни гораздо меньше, чем, например, у эльфов, но зато амбиций, наглости — гораздо больше. Кроме того, из-за того, что человеческие маги зачастую не хотели жить с сородичами и основывали собственные поселения, либо уходили к другим расам, многие люди озлобились окончательно.

Таким магом-отступником и был Браш. Он шёл в столицу, ко двору императора, надеясь получить там хорошую работу. Браш покинул родной город, потому что ему нужно было что-то есть, а соплеменники не желали платить за «гнусное чародейство», хотя помощью мага никогда не гнушались.

Торгис, насколько я помнила, тоже шёл в столицу, и тоже за работой. Считается, что гномы — искусные ювелиры и оружейники, ну а Торгис, на его беду, уродился с другим талантом. Более тридцати лет он пытался сломать себя и начать работать с привычным для его народа материалом. А потом плюнул и решил попытать счастья в столице. Может,

хоть там не будут так сильно удивляться тому, что гном — и вдруг резчик по дереву?

По пути из родного города Торгис наткнулся на Грыма с Бугалоном. Эти двое уже давно слонялись по свету, нанимаясь телохранителями то для одного богатого господина, то для другого, и нигде подолгу не задерживались. Тому тоже были свои причины. Я только вздохнула, вспомнив историю Грыма и Бугалона.

Так вот, Торгис, встретив этих красавчиков, навязался с ними. А чуть позже они наткнулись на Браша. Так и сформировался этот отряд.

Что же касается Эмиландил... Она присоединилась к путешествию в столицу около пяти дней назад. Моя эльфийка сбежала из дома.

Но я не успела прокрутить в голове события, предшествующие судьбоносной встрече Милли с Грымом и остальными, потому что из-за моей спины раздался чей-то хриплый бас:

— Браш, пощупай её, — и мне на плечи легли тяжёлые руки Грыма. Я вздрогнула от неожиданности, и орк, почувствовав это движение, сильнее сжал зелёные пальцы.

Маг не спеша поднялся с бревна, на котором сидел, и, встав прямо передо мной, на секунду прикоснулся тыльной стороной ладони к моему лбу.

Хм... Я думала, что почувствую хотя бы что-то. Всё-таки ко мне ни разу не применяли магию. Но... ничего. Не было даже малейшего покалывания.

— Ну как? — спросил Грым, по-прежнему не отпуская мои плечи. Эмиландил стояла рядом с недовольно скрещенными на груди руками.

Браш нахмурился.

— Никак. Я ничего не чувствую.

— Не понял... — удивился Грым. А я-то как удивилась!

— А так. Будто пустота передо мной, а не человек.

— Может, на ней какой-нибудь амулет?

— Нет. Я бы тогда хотя бы почувствовал, что передо мной стоит девушка, на которой надет амулет для ментальной защиты. А сейчас... да я больше почувствую, если начну прощупывать дерево! Если бы я не видел сейчас перед собой Линн, то... — Браш как-то нехорошо усмехнулся, — ... сказал бы, что её не существует.

Не существует...

Хм. Ну, в принципе, логично. Я ведь из другого мира. Хотя, погодите-ка, я мыслю — следовательно, существую! Что же тогда получается? Я как бы здесь, но как бы и нет меня? А где я тогда?

Я ведь не могу быть просто глюком?!

— Ерунда какая-то, — рассердился Грым. — Не может так быть, чтобы человека нельзя было прощупать!

— Может, она не человек? — тихо спросила Милли. Я вскинулась. Ага, ну конечно! Я тучка-тучка-тучка, я вовсе не медведь...

Вдруг сильные руки Грыма повернули меня к нему лицом.

А в следующую секунду я взмыла над землёй. Орк поддерживал меня за талию и поднимал вверх, приближая свои глаза к моим. И я не успела даже пискнуть, как оказалась так близко к лицу Грыма, что могла рассмотреть каждую морщинку на его коже.

Вертикальные зрачки в этих каре-зелёных омутках начали расширяться и затягивать меня в себя, внутрь... Я не сопротивлялась. Я будто провалилась в глаза Грыма. А в следующую секунду что-то внутри меня закричало.

Это что-то кричало громко, отчаянно. И в груди разгорался пожар — но отнюдь не страсти. Он выжигал меня изнутри, вычерчивал калёным железом узоры на моих внутренностях, заставлял сердце биться в бешеном темпе и плакать кровавыми слезами.

И только когда в ушах у меня зашумело, а потом все звуки стихли, как будто кто-то напихал мне ваты в слуховой проход, я поняла, что это кричала я сама.

А потом пришла темнота, в которой были только мы — я и мои старые кошмары.

За пределами повествования

... Почти двести лет назад, когда не существовало Объединённых земель Эрамира, все расы жили по отдельности, и над всеми ими не было хозяина, и не было в их сердцах порядка и покорности. Войной дышал Эрамир, войной жесто-

кой и беспощадной даже к детям, и кто и когда начал её — не помнили уже, а как закончить — не знали. Особенно кровожадны были эльфы, нападая на людские поселения, они убивали всех от мала до велика, чем вселяли ненависть в человеческие сердца. Да и между собой тёмные и светлые эльфы враждовали, потому что никак решить не могли, кто из них главнее.

У всех рас в то время была независимость друг от друга, и казалось бы, чего ещё желать? Но не было покоя ни людям, ни нелюдям, взаимная ненависть точила их, как вода точит камень. Разные традиции, ценности и магия вызывали непонимание и желание доказать, кто в Эрамире главный.

В то время на севере от Лианора жили светлые эльфы, называя своё поселение Светлым княжеством. На западе обосновались оборотни, на востоке — орки и тролли, чуть севернее них — гномы, занявшие все горы Эрамира. А на юге жили тёмные эльфы, поклоняясь своему Повелителю, обитающему в Эйме — огромном замке, куда никогда не ступала нога человека...

«Хроники Последней войны», том первый, императорская библиотека

Сколько себя помнил император Эдигор, ему всегда что-нибудь не дозволялось. Да, именно не дозволялось, потому что обычным детям просто запрещают, а вот наследным

принцам — не позволяют.

В пять лет Эдигор впервые забрёл на этаж для слуг в императорском дворце. Прошёлся по коридору, никем не замеченный, и нос к носу столкнулся с маленьким чумазым мальчиком одного возраста с ним. Мальчик был одет в тёмные штанишки, тяжёлые башмаки и простую, даже без вышивки, рубашку. Так одеваться Эдигору тоже не позволялось.

— Привет, — сказал мальчик, шмыгнув носом. На самом кончике этого носа красовалось маленькое пятнышко грязи, и будущий император подумал, что если бы он расхаживал по дворцу с испачканным носом, их величеств хватил бы удар.

Мальчишка с любопытством рассматривал Эдигора — видимо, раньше он никогда не видел такой странной одежды. Ещё бы — рубашка с кружевными манжетами и воротником, расшитый бисером и какими-то голубыми камушками синий камзольчик, короткие бархатные штанишки чёрного цвета, из-под которых торчали кипельно-белые чулки, и тёмно-синие туфли с огромными металлическими пряжками. При ходьбе эти пряжки оглушительно звякали, но Эдигор уже давно научился ходить так, чтобы они не издавали ни звука.

— Привет, — будущий император протянул мальчику руку. Вообще-то, здороваться со слугами за руку ему не позволялось, только вот в пять лет он пока не мог осознать, почему.

— Меня зовут Люк, — сказал новый знакомый, пожимая протянутую руку.

— Эд, — представился наследный принц.

Мальчишка улыбнулся. Улыбка у него была совсем не такая, как у других придворных. Когда они улыбались, Эдигору казалось, что у них болят зубы.

А в улыбке этого мальчишки будущему императору слышался весёлый перезвон колокольчиков. Хотя ничего необычного во внешности Люка не было — немного выующиеся волосы какого-то невнятного мышиного цвета, серые глаза, бледная кожа, несколько веснушек на чумазом носу.

— Я — сын одной из кухарок. Мою маму зовут Триша Кросс. Ты её знаешь, Эд?

Эдигор покачал головой. Он не знал ни одной кухарки — просто потому, что дворцовую кухню пока не нашёл. Один раз наследный принц спросил у своего камердинера, где она находится, так слуга вытаращил глаза и поспешил прочь из его покоев. А чуть позже к Эдигору пришёл батюшка.

Вот так он узнал, что нечего наследнику престола делать на дворцовой кухне. Другими словами, такие вещи его интересовать вообще не должны.

— Я здесь недавно, Люк. Я — паж наследника.

— Кто-кто? — мальчик вытаращил глаза.

— Паж. Это значит, что я его личный слуга.

— Ого-о-о! — протянул Люк, с уважением покосившись на одежду Эдигора. Будущий император улыбнулся. Ему

навился этот мальчишка, только вот как сделать так, чтобы можно было продолжать с ним общаться? Если императорская чета узнает, что их драгоценный сыночек пробрался на этаж для слуг, то с них станется приставить к Эдигору круглосуточного телохранителя.

— Слушай, Люк. Ты не знаешь здесь какое-нибудь местечко, где мы могли бы спрятаться и спокойно поиграть?

— Знаю, — кивнул мальчишка. — Это чердак!

Люк схватил Эдигора за руку и куда-то потащил. Через пару минут будущий император с изумлением рассматривал маленькую комнатку, так не похожую на его собственные покои — здесь всего-то помещались две кровати, небольшой шкаф, столик и два стульчика. В крошечное окошко почти не проникал свет.

Люк плюхнулся на пол перед одной из кроватей, вытащил оттуда какую-то коробку, схватил её и, встав с колен, радостно заявил:

— Ну, пошли!

— Куда? — уточнил Эдигор.

— На чердак, конечно!

— А что в коробке?

— Игрушки!

Наследный принц просиял. Игрушки! Ему не позволялось играть ни с чем, кроме солдатиков, и то не чаще раза в неделю. «Если вам захочется поиграть, ваше высочество, в вашем распоряжении всегда учитель Мэридиш — он с удовольстви-

ем поиграет с вами в любую из точных наук, а учителя Грохан и Джуд могут поиграть в экономические игры или рассказать вам основы языковедения», — говорил император. И Эдигору ничего другого не оставалось, кроме как вздохнуть, рассматривая в различных энциклопедиях яркие картинки — эти картинки были его любимыми игрушками.

— А какие у тебя есть игрушки? — спросил Эдигор, пока они с Люком бежали к чердаку по лестнице, о существовании которой принц даже не знал. Ей пользовались очень редко, и исключительно слуги.

— Мячик есть, солдатики, пара головоломок... А самое главное — у меня есть два деревянных меча!

— Ух ты! — восхищённо присвистнул будущий император. Со следующей недели его должны были начать учить воинскому делу, для этого батюшка обещал лично подобрать самого лучшего наставника. Но одно дело — опять чему-то учиться, а совершенно другое — играть!

На чердаке было пыльно и солнечно. Сюда, видимо, совсем никто не заходил, да и пробраться через многочисленный мусор, валяющийся на полу, было бы проблематично взрослому человеку. Чего тут только не было! Старые диваны, сундуки с какими-то жуткими тряпками, сломанные столы и стулья, старые гардины и балдахины, рояль, куча верёвок, напоминающих корабельные снасти...

Эдигор остановился посреди всего этого хлама с открытым ртом.

— Ничего не понимаю! — воскликнул он. — Почему здесь не уберутся и не сделают нормальные комнаты? Ведь тут очень красиво, и окошки круглые.

— Да никому до этого дела нет, — пожал плечами Люк. — Император с императрицей здесь в жизни не были, а без их приказа тут убираться не будут, у слуг и так дел полно. Вот и устроили свалку, таскают сюда всякий хлам. Я про чердак случайно узнал, когда мамке вторую кровать давать не хотели и предложили на чердак наведаться — сказали, может, лишняя найдётся, хоть и сломанная.

— А кто это сказал? — наследный принц сузил глаза, чувствуя, как внутри что-то закипает.

— Главный дворцовый управляющий вроде. Господин Матиас.

Следующие полтора часа будущий император и сын кухарки самозабвенно играли — сначала в солдатиков, а потом «рубилась» на мечах. Люк нанёс Эдигору сокрушительное поражение как в том, так и в другом.

А потом пришло время уходить — наручные часы на запястье наследного принца тихонько зажужжали, предупреждая о приближении пяти часов пополудни, а это значило, что скоро его придут будить. Эдигора всегда укладывали спать с двух до пяти часов, но мальчик уже давно не хотел спать днём, зато он с удовольствием исследовал дворец. Правда, только в этот раз исследования принесли результат.

— Мне нужно уйти, Люк, — сказал Эдигор, откладывая

деревянный меч.

— Уже? — огорчился сын кухарки. — А-а... Понимаю, скоро ведь полдник, тебе, наверное, нужно в покои принца?

— Да, — кивнул Эдигор, на этот раз даже не соврав. — Именно так.

— Скажи, а... — Люк неуверенно переминался с ноги на ногу, — какой он — наследный принц? Я его никогда не видел. И мама тоже. Говорят, он не умеет улыбаться.

Эдигор вытаращился на своего нового друга. А потом широко улыбнулся.

— Умеет его высочество улыбаться. Ещё как умеет. Просто не хочет.

— А почему?

— Ну а ты стал бы улыбаться господину Матиасу, Люк? Несколько секунд мальчишка думал, а затем хмыкнул.

— Пожалуй, не стал бы. Господин Матиас похож на рыбу.

— Ну вот и я не... М-м... Ладно, пойдём, а то сейчас его высочество проснётся и будет искать меня по всем углам.

— Пойдём, — кивнул Люк. — А ты завтра придёшь?

— Попытаюсь, — серьёзно сказал Эдигор.

А про себя подумал, что теперь уж он постарается не потерять единственного друга. И если будет нужно, пойдёт к самому Аравейну, лишь бы его не разлучили с Люком, как только узнают про их встречи. А в том, что это случится в самое ближайшее время, Эдигор не сомневался ни минуты.

Глава вторая, в которой я пытаюсь понять, что делать дальше

Вот что, сэр! Я буду говорить с вами откровенно. Мне не нравится эта экспедиция, мне не нравятся эти матросы. И вообще... Что? Да! Нет! Мне вообще ничего не нравится, сэр!

«Остров сокровищ»

Тёмное, хмурое небо, несколько грязно-серых домов вдалеке, жухлая трава под ногами, холодный, пронизывающий до костей ветер. Я иду вперёд, к светящимся окнам, а позади меня прячется тот, кто когда-то разделил мою жизнь на две неравные части. Я спешу, я пытаюсь убежать, но всё равно слышу позади себя его тяжёлое дыхание и понимаю: я не убегу.

Ещё ни разу мне не удалось убежать.

И тут внутри меня что-то вспыхивает. Я не хочу оставаться здесь! Я не хочу переживать это ещё раз!

Меня выворачивает. Всё тело горит, как будто я только что побывала в огромной печке... А потом я слышу тихий хриплый голос.

— Никогда в жизни мне так дерьмово не было.

— А что произошло, Рым? Почему вы с Линн упали в

обморок? И почему она так кричала?

— Почему кричала Линн, я не знаю. А вот я... я будто...

— Грым запнулся.

— Будто — что? — Это Браш. — Ты смог её прощупать?

В напряжённом молчании, воцарившемся после реплики мага, мне слышалось даже жужжание насекомых. Казалось, что они тоже ждали ответ орка.

— Да, — наконец сказал Грым. — И не только. Я слишком глубоко опустил в стремлении понять... Не нужно было этого делать.

— Что ты видел, Рим? — обеспокоенно спросила Милли. Да уж, меня тоже это очень интересовало. Потому что видеть он мог только одно и вряд ли что-то понял.

— Ничего определённого. Но теперь я точно знаю — в ней нет зла. Мы можем взять её с собой в Лианор.

Я попыталась пошевелиться, чтобы привлечь внимание. Бесполезно. Тело повиноваться отказывалось. Конечно, подслушивать нехорошо, но я же не виновата, что не могу двигаться, а они очень громко разговаривают прямо у меня над ухом?

— Рим... Понимаешь, когда вы с Линн упали, я кое-что вспомнила, — вздохнула Милли. — Не зря я с самого начала чувствовала — это всё что-то мне напоминает. И вспомнила наконец. Помнишь, почему я пошла в ту сторону, где нашла Линн?

— Ну. Вспышка странной силы. Ты сказала, что эта сила

не пахнет опасностью или смертью и пошла одна.

— Так всё и было. И в том месте, где была эта вспышка, я нашла Линн. Она ничего не помнит о себе, она очень странно одета... Браш, скажи, ты никогда не слышал о пророчестве Альгиуса?

— Альгиуса? — в голосе мага слышалось недоумение. — Это ведь темноэльфийский предсказатель? У него было много пророчеств, ты сейчас о каком?

— В том-то и дело, что я не помню точное его содержание. Но там было что-то про явление странной силы, причём ей не будет равных среди живущих. Мой отец... он всегда был одержим именно этим пророчеством и всю жизнь ждал, как он говорил, «пришествия». В общем... Ребята, мне кажется, у нас больши-и-ие неприятности. Потому что эту странную магическую вспышку наверняка почувствовали не только мы с Брашем, но и все маги Эрамира.

— Ты хочешь сказать... — протянул Грым, — что теперь им нужна Линн? Но зачем? Что такого в этой её силе?

— Я не помню! — в голосе Эмиландил слышалось отчаяние. — Я всегда считала это пророчество абсолютным бредом!

М-да. Тут явно есть, над чем подумать. Если бы могла, почесала бы в затылке. Сила, значит. У меня? У меня, у маленькой Линн? То есть, у Полины. Может, я горы могу двигать взглядом?

Нет, но ведь это ерунда! В конце концов, это МОЙ мир!

Так почему я не могу понять, что у меня должна быть за сила?!

Какая-то мимолётная мысль, словно слабый огонёк, мелькнула в сознании, и почти сразу погасла. Спряталась. А ведь я почти ухватила её за хвост...

И тут я почувствовала, что могу двигаться. С наслаждением сжала и разжала пальцы на руках, прогоняя онемение, повела плечами и открыла глаза.

Мир расплывался, разбивался на сотни оттенков. В ярком свете костра (это ж сколько мы времени без сознания валялись?!) я рассматривала своих спутников. Грым тоже задумчиво меня разглядывал, и в глазах его плясали язычки пламени. Это было красиво.

Волосы Милли серебрились и казались сейчас продолжением лунного света. Она нервно кусала губы и теребила край своей рубашки. А вот в глазах Браша я видела настороженность. Я слегка улыбнулась ему, словно извиняясь... Да уж, добавила я им проблем, а ведь и так сладко не было.

Торгис задумчиво грыз твёрдый сухарь, а Бугалон устался в чашку с чаем, будто мечтая в ней утопиться.

— Кх-м... — я откашлялась, — я очень извиняюсь... Можно мне чего-нибудь попить?

К моему удивлению, именно Грым встал с места, взял кружку и налил туда чего-то обжигающе горячего, пахнувшего горькими травами и мёдом. Первый же глоток этого напитка придал мне столько сил, сколько не мог бы придать

даже сытный ужин.

Я подняла глаза и встретила взглядом с Грыммом. На его лице застыла странная и какая-то нежная улыбка, а в глазах по-прежнему плясали огоньки.

Вы когда-нибудь видели нежную улыбку у орка? Думаю, это достаточно сложно представить. Особенно учитывая грозное зелёное лицо и клыки. Но в тот момент мне почему-то подумалось, что я не видела ничего прекрасней этой клыкастой улыбки. Захотелось протянуть руку и дотронуться до неё.

Интересно... Это на меня «чаёк» так действует? Или обморок?

— Кто ты, Линн? — спросил орк тихо. И я решила ответить честно.

— Я из другого мира. Не знаю, почему попала сюда. Я слышала ваш разговор о моей силе, но... честно говоря, я теряюсь в догадках. У меня никогда не было никакой силы, и вряд ли она проявилась после попадания сюда.

Команда переглянулась, а потом Эмиландил выдохнула:

— Аравейн...

— Что? — я нахмурилась.

— Тебе нужно в Лианор, Линн. Это наша столица. Ты должна встретиться с Аравейном прежде, чем до тебя доберутся другие маги, — пояснила Милли. — Потому что, если я правильно всё понимаю, теперь тебя не оставят в покое. Скорее всего, в пророчестве говорится о том, как отнять у

тебя силу... Как жаль, что я не помню текста!

— Не расстраивайся, — утешила я Милли, — какой в нём смысл? Если только вы сами мою так называемую силу собираетесь умыкнуть.

Браш вздрогнул.

— Не шути так, — нахмурился маг. Я пожала плечами.

— Меня больше волнует другой вопрос. Как мне вернуться домой? Я не понимаю, зачем я здесь и что должна сделать, чтобы вернуться в свой мир.

— В пророчестве наверняка было что-то сказано и об этом, — вздохнула Милли. — Но...

— Да-да, — я хмыкнула, — ты его не помнишь, я поняла. А этот Аравейн... он вообще кто? И почему вы так уверены, что он не захочет сам умыкнуть мою силу?

Странное кино. Я не придумывала никакого Аравейна. Правда, дальнейшие слова Эмиландил кое-что прояснили. Но не до конца.

— Аравейн — сильнейший маг Эрамира. И он — придворный маг его императорского величества Эдигора Второго Бесстрашного. И уж если он не сможет тебе помочь, Линн... тогда никто не сможет. А насчёт силы... думаю, если бы он действительно хотел у тебя её забрать, ты была бы уже мертва. Аравейн очень, очень сильный маг.

Упоминание об Эдигоре и Аравейне пару раз встречалось в моей книге, но не более того. Я даже не пыталась представить себе этих персонажей. Да и зачем? Я ведь о Милли пи-

сала, а не о них.

Интересно... Как же это так получается — вроде и я их придумала, и в то же время не совсем я, да? Можно сказать, что я только эти имена придумала. Какой ты, самый сильный маг Эрамира, Аравейн по прозвищу Светлый? И не совершу ли я ошибку, отправившись в столицу?

Да... раньше я писала эту книгу. А теперь, получается, она сама меня пишет? Так, что ли?

Ох и не нравится мне всё это...

— Хорошо. Пожалуй, ты права, Милли. Можно называть тебя так?

— Конечно.

— Да, и прости, что соврала там, у ручья, сказав, что не помню, кто я. Я прекрасно всё помню, просто в тот момент мне показалось глупым признаваться, что я из другого мира.

— Ничего страшного. Так ты всё-таки пойдёшь с нами в Лианор, к Аравейну?

— А куда я денусь? Только вот не пойму... Если он маг императора, как к нему попасть? Наверное, это не так просто?

— Не так, — Милли как-то хищно ухмыльнулась, — но для нас сделают исключение. Дочери Повелителя тёмных эльфов вряд ли будут отказывать в аудиенции.

Ах, да! И как я могла забыть?

Спустя час все мирно уснули, завернувшись каждый в

своё одеяло. Хорошо, что у моих попутчиков оказалось одно лишнее, а то пришлось бы делить с Милли постель. Не думаю, что эльфийка была бы очень рада, тут и одного-то одеяла маловато.

Я не спала, прислушиваясь к дыханию окружающих. Бугалон, не проронивший за вечер ни слова, сейчас похрюкивал и причмокивал во сне. Рядом тихо посапывала Милли, спокойно и ровно дышал Браш, и чуть посвистывал заложенным носом Торгис. Дыхания Грыма я почему-то не слышала, и от этого мне было тревожно.

Тем более, что я совсем забыла сказать, что завтра в двенадцать часов дня на них должны напасть разбойники.

Как я вообще могла об этом забыть?! Грыма убьют! Моего орка... убьют! И если я была совсем не против этого, сидя перед экраном компьютера, то теперь, когда Грым лежал в двух метрах от меня — я очень даже против! Не отдам! Это мой орк! Это я его придумала!

Успокоившись, я выравнивала дыхание. Кажется, никто не заметил этой вспышки гнева. Вот и хорошо, вот и славно. Завтра утром всё расскажу и попрошу изменить маршрут. Сошлюсь на вещий сон, в конце концов!

У меня горели щёки. Вспомнив о ручье, в котором я недавно валялась, я воровато огляделась — вроде все спят, даже Грым дышит ровно — и откинула одеяло. Осторожно встала и медленно, бочком, пошла вниз, к ручью. Вряд ли в этом лесу есть дикие звери, которые могут съесть неосто-

рожную меня. Максимум ёжики и белочки, но ёжиков и белочек я не боюсь.

Я отошла от поляны, где спали мои спутники, нашла многотрадальный ручей и, присев возле него на корточки, сполоснула разгоряченное лицо. И только вздохнула, почувствовав кожей щёк приятную прохладу, как сзади раздался хриплый голос:

— Ты чего не спишь?

От неожиданности я подпрыгнула, и мне показалось, что я ударилась головой о звёздное небо.

— Р-р-рым! — я буквально зарычала на невесть откуда взявшегося орка. — Ну нельзя же так подкрадываться!

— Я не подкрадывался, — ответил он спокойно, — кто же виноват, что ты меня не слышала?

Я вздохнула и возвела очи горе.

— Так чего ты не спишь, Линн?

— Думала, — я пожала плечами, — что делать дальше. Ну и решила лицо умыть. Водичка прохладная, хорошо. Не волнуйся, не убегу.

— Я и не волнуюсь, — ответил он спокойно. — От меня ты не сможешь убежать.

В холодном лунном свете Грым казался не зелёным, а каким-то... серо-чёрным, как камень. Как скала. И только глаза сверкали сейчас не хуже, чем звёзды.

Я подошла ближе, чтобы лучше видеть его лицо.

— Почему ты так говоришь? Что значит, не смогу убе-

жать? Ты так быстро бегаешь?

Я увидела, что Грым улыбается.

— Дело не в этом. Просто в тот момент, когда я решил сделать то, чего не удалось сделать Бращу — прощупать тебя — я... перестарался. И провалился слишком глубоко. Я коснулся твоей души, Линн. Если ты понимаешь, о чём я. И теперь я всегда смогу найти тебя, где бы ты ни была. Никакие антимагические браслеты не помогут. Этот след невозможно стереть.

Я молчала, переваривая услышанное. Мне было сложно представить, что это значит — коснуться души... что он в тот момент почувствовал? И что чувствует сейчас?

Я очнулась от своих мыслей, когда Грым вдруг негромко сказал:

— Ты очень красивая.

— Что? — я рассмеялась. — Да ну тебя, Рым!

Да уж, нашёл, чем восхищаться! Ростом я не вышла, щупленькая, вместо груди два прыщика, тонкой осиной талии и соблазнительных бёдер тоже не наблюдается. Нет, на суповой набор я всё же не тяну — кости не торчат — но чтобы красавица... Да и на голове вечно воронье гнездо. Мои волосы, жёсткие и выющиеся, похожи на мочалку. Или на паклю. Или на бог знает что — в любом случае, это воронье гнездо торчит в разные стороны, как у огородного пугала, оно жёсткое и плохо расчёсывается. Глазки у меня невнятно-серые, безо всяких миндалевидностей и прочей чепухи, о которой

в романах пишут. Нос — маленькой картошечкой, на нём и на щеках — небольшая россыпь веснушек. Рот небольшой, как в песенке поётся — «губки бантиком, бровки домиком, похож на маленького сонного гномика» — вот это про меня!

— Правда, красивая, — повторил он серьёзно. — У тебя глаза такие... мягкие, будто бархатные. Серый такой бархат, я такой только в лавках с тканью для богачей видел. Волосы... так и хочется потрогать.

Я будто со стороны наблюдала, как Грым протянул руку и дотронулся до моих волос, погладил по голове, как маленькую.

— И кожа нежная... — лёгкое прикосновение к щеке, а в следующий миг мои ноги потеряли землю под ногами, потому что Рым подхватил меня на руки.

Я чувствовала себя лёгкой, как пушинка. Наверное, я ему такой и казалась — всё-таки из Грыма можно десять меня сделать, если не больше.

В его руках было уютно.

— Я думала, ты не любишь «человечину», — прошептала я Грымму на ухо. Он не делал ничего плохого — просто обнимал меня, словно хотел защитить от враждебного мира.

— Я коснулся твоей души, Линн.

Я вновь решила не спрашивать, что это значит. Наверное, потому, что всё же понимала.

Ведь если Рым коснулся моей души... Значит, и я прикоснулась к его.

Поэтому в тот момент я разделила с ним все чувства — поделила их пополам, как дети делят апельсин. И не было ничего, что я бы не понимала.

Он отнёс меня обратно, завернул в одеяло, а потом вернулся к себе. Больше мы не произнесли ни слова. Остальные так ничего не заметили, продолжая посапывать.

А я, повернувшись на бок, сжала кулаки и изо всех сил поклялась, что завтра сделаю всё, чтобы Грым не погиб. Ни одна стрела не коснётся моего орка! Хотя зубами ловить буду, но Рым будет жить.

В конце концов, у меня же есть какая-то сила?! Попробую ей воспользоваться...

За пределами повествования

...Живший почти два века назад тёмноэльфийский предсказатель Альгиус отличался крайней плодовитостью — он изрекал по несколько пророчеств в месяц — и загадочностью, так как никогда не пытался толковать собственные изречения.

О детстве и юности Альгиуса ничего не известно. Наши исследователи уверены, что в источниках тёмных эльфов о нём можно прочитать много всего интересного, но Повелитель Робиар закрыл свою библиотеку от всех любопытствующих, даже с протекцией императора прорваться туда крайне сложно.

Достоверно известно лишь то, что Альгиус родился у людей из ближайшего окружения тогдашнего Повелителя — Дейвира, отца Робиара — и начал предсказывать уже с юных лет. Его пророчества были туманны и далеко не всегда правильно расшифровывались, но, те, которые расшифровывались, сбывались абсолютно все. Именно поэтому, когда Альгиус вырос, Повелитель сделал его личным советником.

Должность эту великий предсказатель занимал несколько десятилетий, но однажды просто исчез. Жив он или умер, никому неизвестно. Но в ту ночь, когда пропал Альгиус, несколько тёмноэльфийских деревень рядом с Эймом оказались выжжены дотла...

«Великие предсказатели и их судьбы», императорская библиотека

Целых полторы недели Эдигор наслаждался своим секретом. После того как его укладывали спать, будущий император вскакивал с постели и мчался к Люку на чердак. Три часа абсолютного счастья с единственным другом — чего ещё может пожелать лишённый детства пятилетний мальчик?

Но ничто не вечно, и Эдигор понял — пока его тайну не разгадали, и Люка вместе с его матерью не выкинули из дворца (а с Матиаса станется — он и на такое способен), нужно действовать.

Возможно, если бы Эдигор был обыкновенным пятилет-

ним мальчиком, у него ничего бы не получилось. Но... на его беду, он не был обыкновенным. И это поняли все, даже император Эдигор Первый Вспыльчивый и императрица Мариника Вторая Прекрасная. Потому что сразу после рождения наследника в императорский дворец с визитом прибыл Аравейн, легендарный и великий маг.

— Добрый вечер, ваши величества, — спокойно сказал он, поклонившись. — Я прошу у вас разрешения остаться во дворце, дабы стать придворным магом и личным наставником принца Эдигора в будущем.

Что заставило Аравейна бросить все дела и явиться во дворец (а делал он это крайне редко — не любил высший свет), чтобы остаться в нём жить и заботиться о наследнике — не знал никто. Даже император терялся в догадках. Но все сходились во мнении, что Эдигор очень необычный мальчик. Магической силы в нём, правда, не обнаружилось, зато обнаружился такой характер, которому и взрослый бы позавидовал.

Упрямый, как горный козёл, серьёзный, как мировой судья на оглашении приговора, бесстрашный, как лучшие воины империи, и рассудительный, как сто великих философов древности, Эдигор одним казался маленьким старичком, другим — несчастным принцем, раздавленным бременем ответственности с самого раннего детства, третьим — заносчивым и чересчур властным ребёнком.

Истина, как это обычно и бывает, находилась где-то посе-

редине. Но было и ещё кое-что, о чём порой забывали учителя и наставники маленького принца, да что говорить — родители тоже. Эдигор в первую очередь был человеком — да-да, именно человеком, а не вашим высочеством, будущим императором и наследным принцем — и, как любой человек, нуждался в настоящей дружбе.

Именно поэтому, узнав Люка, изголодавшийся по настоящим, искренним чувствам Эдигор понял, что пятилетний мальчишка с грязным носом и россыпью веснушек на лице для него теперь важнее всего на свете. И в один прекрасный день, сразу после полдника, юный принц поспешил в покои Аравейна Светлого, придворного мага и своего личного наставника.

Пожалуй, наследный принц был единственным человеком в императорском замке, который не боялся легендарного мага. Впрочем, Эдигор вообще ничего и никого не боялся. Наверное, просто потому, что не очень хорошо понимал, что это за чувство. Он умел веселиться, грустить, радоваться, горевать и даже плакать. Но вот бояться не получалось.

В момент, когда Эдигор вошёл в покои к Аравейну, маг сидел за столом и аккуратно чистил кинжалом яблоко. Приближение наследного принца Аравейн почувствовал давно, но вот именно, что почувствовал, а не услышал.

— Похвально, ваше высочество, — сказал маг, как только понял, что Эдигор зашёл в комнату и закрыл за собой дверь. — Вы научились так славно передвигаться в этих жутких

туфлях с пряжками, что я совсем не слышу их звяканья.

Маг поднял глаза, и в который раз за пятилетнюю жизнь наследного принца поразился, насколько серьёзным может быть взгляд тёмных глаз этого мальчика. Почти чёрные глаза Эдигора будто утягивали любого, кто смотрел в них слишком долго, в свою блестящую глубину.

Это было поразительно — для не-мага, конечно.

— Добрый вечер, Аравейн, — сказал Эдигор. — Я пришёл к вам по делу.

— Добрый вечер, ваше высочество, — кивнул Аравейн. — Я ничуть не сомневаюсь в этом. Вы ещё ни разу не приходили ко мне просто так, выпить чаю или в картишки перекинуться.

Аравейн довольно улыбнулся, когда заметил, как дрогнули уголки губ принца, будто он пытался скрыть, что слова мага его рассмешили. Однако... Пять лет — а такая сила воли!

— Мне не подобает играть в картишки, как вы изволили выразиться, Аравейн, — сказал Эдигор серьёзно. — Их величества не одобряют подобное проведение досуга.

— Увы, — развёл руками маг. — Так что же привело вас ко мне, ваше высочество?

Мальчик задумчиво разглядывал Аравейна. Будь на месте мага любой другой придворный, ему, вероятно, стало бы не по себе. Такой мудрый, уставший взгляд бывает только у взрослых... и то не у всех.

Похожих на Аравейна в империи не было, поэтому мага узнавали везде и всегда. Полностью белые, даже немного серебристые волосы убраны в хвост, открывающий высокий лоб и узкое лицо. Этим лицом и длинным, абсолютно ровным, идеальным носом Аравейн был обязан своим эльфийским предкам, но уши у него были совершенно обыкновенными, человеческими. А вот глаза — наоборот. Ярко-бирюзовые, они казались двумя драгоценными камнями, которые неизвестный ювелир вставил в оправу в виде черепа, включив сзади подсветку, чтобы придать своему «изделию» вид абсолютно нечеловеческий. Но абсолютно волшебный.

Возраста у Аравейна не было. Иногда, глядя на него, казалось, что магу едва исполнилось тридцать, а иногда — что ему уже перевалило за восемьдесят.

И сейчас Эдигор уставился в сияющие глаза Аравейна, собираясь с мыслями. То, что он хотел попросить у мага, было для него важнее всего на свете.

— Мне нужна ваша помощь, Аравейн, — наконец сказал наследный принц. — В одном очень деликатном деле.

— Я к вашим услугам, ваше высочество, — слегка кивнул маг. — Что от меня требуется?

— Ничего особенного, — Эдигор подошёл ближе и опустился на мягкий пуфик. Аравейн, отрезав от яблока кусочек, закинул его в рот, задумчиво рассматривая собеседника. — Завтра, во время завтрака, я попрошу его императорское величество приставить ко мне пажом одного из слуг. И

вы должны поддержать ту кандидатуру, которую я предложу.

— Что это за кандидатура?

— Люк Кросс, сын кухарки.

Аравейн задумчиво наклонил голову. Он знал в лицо всех слуг — в том числе и их детей — просто потому, что считал это обязательным. Именно слуги, как правило, являются источником утечки информации из дворца. А этого допустить Аравейн не мог.

Поэтому он прекрасно представлял, о ком говорил Эдигор.

— Я понимаю, что не имею права чего-либо требовать от вас, Аравейн, — продолжал между тем будущий император. — Поэтому согласен выполнить любую вашу просьбу, как только достаточно вырасту. Вы будете вольны попросить меня о чём угодно, кроме отречения от престола или чьего-либо убийства. Я даже готов дать клятву, вы можете наложить на меня «печать обещания»...

— Ваше высочество!

Эдигор проводил взглядом взметнувшуюся руку Аравейна — тот решил остановить словесный поток наследного принца не только словом, но и жестом.

Маг встал из-за стола и подошёл к Эдигору. А затем сделал то, чего не делал ни перед кем и никогда — встал на колени.

— Ваше высочество, — сказал Аравейн тихо, — мне не нужна никакая «печать обещания». И я не буду требовать

с вас исполнения любого своего желания — именно это вы мне предложили, мой принц, и как ни старались смягчить своё предложение, звучит оно всё равно скверно. Я выполняю вашу просьбу. И даже немного больше — я сам поговорю с императором, и обещаю, что завтра же Люк Кросс будет назначен вашим личным пажом.

Теперь глаза Аравейна были на уровне глаз Эдигора. И наследный принц с изумлением ловил каждое слово великого мага. Неужели... так просто? А он готовился уговаривать и умолять...

— Почему? — сорвалось с губ будущего императора, и в тот же миг в сапфировых глазах Аравейна мелькнула улыбка. Да, именно так — он улыбался глазами, тогда как губы уже произносили:

— Вы спрашиваете меня, почему, ваше высочество? Я считаю, что вам нужен друг, и Люк Кросс будет им для вас. И я тоже очень хотел бы быть вашим другом, мой принц.

Не успел Эдигор отреагировать на это неожиданное заявление, как Аравейн сказал:

— Я также прошу вас позволить мне быть вашим наставником по оружию. Вашим — и Люка.

— Вы? Наставником по оружию? — удивился будущий император.

— Что вас удивляет? — улыбнулся Аравейн. — Я не только маг. И, поверьте, сумею научить вас не хуже самого опытного солдата.

— Хорошо, — кивнул Эдигор. — Об этом вы тоже с отцом сами поговорите?

— Поговорю.

Уже когда наследный принц собирался выходить из кабинета Аравейна, маг тихо сказал:

— Удачи вам в разговоре с Люком. Найдите правильные слова, ваше высочество.

На следующий день, когда за сыном кухарки Триши пришла личная императорская стража, Люк чуть не умер от страха. Он сразу понял — Эда поймали! И больше он его не увидит! Наверняка принц запретил своему пажу играть с обыкновенным слугой. Нет, даже не со слугой — с сыном слуги. Люк был меньше, чем никем.

Сходящего с ума от страха мальчика провели на этаж императорской семьи. Люк не смел поднять головы, хотя всегда хотел здесь побывать. Открыв одну из золочёных дверей, конвоир взял мальчика за плечо и поволок вперёд. Люк, по-прежнему не поднимающий глаз, видел перед собой только тёмно-бордовый ворс шерстяного ковра.

— Он доставлен, ваше высочество, — отчитался стражник.

— Спасибо, Михаэль. Можешь идти, — послышался вдруг очень знакомый голос. И Люк, вздрогнув, поднял глаза.

Стражник, отдав честь, вышел из комнаты. Теперь здесь остались только двое — Люк и Эд.

Эдигор сидел на краю огромной кровати, и ноги его не доставали до пола. Он смущённо улыбался и пальцами терев кисточки на покрывале.

— Эд, что ты здесь делаешь? — шёпотом спросил Люк.

— Как — что? — нахмурился будущий император.

— Ну... Я думал, тебя поймали и нам больше нельзя видеться. Я так решил, когда стражники пришли...

— А они тебе ничего не объяснили? — Эдигор нахмурился сильнее.

— Нет.

И тогда мальчик вскочил с кровати, подошёл к своему другу и, глядя ему в глаза, сказал:

— Люк, я врал тебе. Я никакой не паж. Я и есть принц. Наследный принц Эдигор.

В тот момент будущий император впервые в жизни наблюдал, как у людей от удивления падает челюсть.

— В-в-в... В-в-ваше в-в-высочество... — наконец выдал из себя Люк. Что ему теперь делать? Как вести себя с другом — лучшим другом, между прочим! — внезапно оказавшимся наследным принцем?

— Люк, пожалуйста, — вздохнул Эдигор. — Для тебя я — Эд. С этой минуты и навсегда. Я очень хочу быть твоим другом. Прости, что соврал. Сегодня утром тебя назначили моим личным пажом, надеюсь, ты согласен?

— Личным пажом?.. — пробормотал Люк. Быть слугой наследника мальчику не очень хотелось. И будущий импера-

тор понял это по его глазам.

— Я не буду тебя заставлять, Люк, — тихо сказал Эдигор. — Просто мне не хотелось терять друга. А наши встречи с тобой рано или поздно раскрылись бы. Мне-то ничего, а вас с мамой наверняка выгнали бы из дворца. Личный паж — это всего лишь должность, для посторонних, для придворных, для императора. Я хочу, чтобы ты был моим другом... просто другом, Люк!

Просто другом... Разве это просто — быть другом наследного принца, будущего императора? Конечно же, нет.

Но Люк сделал свой выбор. Пожалуй, он сделал его ещё в тот момент, когда Эдигор пожал ему руку, как равному себе.

Мальчик опустил на одно колено, прижав правую ладонь к сердцу — именно так приносили клятву верности императору лучшие воины Эрамира.

— Я буду служить тебе, я буду защищать тебя от любых опасностей, я буду верен тебе до самой смерти и после неё! И я... буду твоим другом, Эд!

Люк склонил голову, и Эдигор положил ему на макушку свою руку, принимая клятву.

Ох уж эти мальчишки!..

Глава третья, в которой я спасаю, но не спасаюсь

Никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

«Алиса в стране чудес»

Поспать той ночью я так толком и не смогла. Нет, не потому, что мне мешали, будили или сопели над ухом. Так бывает, когда мыслей слишком много. Так бывает, когда никак не можешь вычленишь из этого бесконечного потока рассуждений что-то одно, и дорассуждать его таки до конца.

А ещё я скучала по Игорю. Я даже не представляла, насколько привыкла засыпать рядом с ним каждый день, чувствуя жар его кожи, его губы по утрам на своих щеках. Мы были женаты всего три года, и ещё ни разу не расставались надолго. А теперь я даже не знала, вернусь ли когда-нибудь к мужу? Увижу ли его?

Я помнила последние мгновения своей жизни в том мире, когда меня сбила машина. Теперь я была уверена, что не лежу в коме. Я погибла. Только вот почему я оказалась здесь? Я должна что-то сделать, как это обычно бывает в фэнтези о попаданцах? И если я сделаю это... и вернусь в свой мир...

я умру? Или, всё же, останусь в живых?

Я никогда не думала, что это вообще возможно — оказаться в собственной книге. И всё вокруг такое... настоящее. Совсем не похоже на сон или бред. И что будет, если я умру и здесь тоже? Может, я перемещусь в какой-нибудь из своих ранних рассказов?

Главной героиней моей книги была Милли, но... теперь я чувствовала, что события начали стремительно вращаться вокруг меня. Моё появление здесь изменило структуру сюжета.

Я уже упоминала о том, зачем отряд Грыма направлялся в Лианор. У Эмиландил не было чёткой цели, она просто сбежала из дома, подальше от властного отца, Повелителя тёмных эльфов. Милли была третьим ребёнком в семье, единственной дочерью и... изгоем. Белой вороной.

Почему? Рождение у Повелителя Робиара девочки с серебряными волосами двадцать лет назад обсуждали все злые языки. Обычно таких детей тёмные эльфы сразу убивали — они считали их вырожденками, дурной кровью. Также поступали и светлые эльфы, но с малышами, рождавшимися рыжими. Они считали рыжий проклятым цветом.

Но Повелитель решил пощадить единственную дочь — в конце концов, её вполне можно будет удачно выдать замуж в будущем, а пока... Пусть старшие братья вдоволь помучают новую игрушку.

Имя «Эмиландил» означает «серебряный свет», и вряд ли

найдётся другая тёмная эльфийка, носящая его. И таких детей не зря убивали сразу после рождения — магия Милли не была похожа на магию тёмных эльфов. Впрочем, светлых тоже. Но именно благодаря этой особенной магии Эмиландил удавалось убегать от старших братьев. А кроме них, обижать принцессу больше никто не отваживался. Только Виану и Тимирею Повелитель прощал абсолютно все выходки.

Чаша терпения Милли переполнилась год назад, когда брат Виан решил попробовать сестричку в постели. Эмиландил осталась цела и невредима, а вот Виана потом все дворцовые целители по кусочкам собирали.

Целый год Милли искала хоть какой-то безопасный путь из замка. Кроме того, она штудировала родовую библиотеку в поисках заклинания, которое могло бы заглушить зов крови. Потому что даже если Эмиландил сбежит, отец и братья сумеют найти её — в них ведь течёт та же кровь.

Конечно, если бы Милли была обычной тёмной эльфийкой, сбежать от Повелителя ей бы не удалось. Но... собственная, непонятная никому, кроме неё самой, магия помогла Милли выжить. Заклинание было трудным и вытянуло из неё много сил, кроме того, его нужно было постоянно обновлять с помощью специального амулета, но главное, что оно работало! И теперь никто из родственников не мог обнаружить беглянку.

Найти потайной ход из замка оказалось непростой задачей, но Эмиландил справилась и с ней. Пришлось, правда,

увести из ближайшей деревни коня, но взамен Милли оставила пару золотых монет — на такую сумму можно было купить трёх подобных лошадей.

Через пару дней путешествия эйфория от побега схлынула, и эльфийка наконец всерьёз задумалась о том, что делать дальше. О том, что её кто-нибудь узнает, Милли не волновалась — она повесила на себя качественно сделанную иллюзию и казалась всем окружающим крупным бородатым мужиком в недорогой одежде. И Эмиландил полагала, что снять эту иллюзию не сможет никто... пожалуй, кроме Аравейна. В том, что великий маг разберётся даже с её непонятной магией, Милли не сомневалась. Но его на горизонте видно не было.

Решение ехать в столицу пришло внезапно. Снять там небольшую квартирку — а денег у Милли было предостаточно — а потом уже подумать, как жить дальше. Можно, например, открыть парикмахерскую. Делать красивые причёски Эмиландил умела очень хорошо.

Повернув на одну из дорог, ведущих в Лианор, эльфийка столкнулась с отрядом Грыма. Почему она доверила им свою тайну всего через три дня совместного путешествия, Эмиландил не знала. Так или иначе, известие о том, что они путешествуют в компании дочери Повелителя тёмных эльфов, Рым и его команда восприняли стойко. Браш так вообще обрадовался — ещё бы, такая возможность узнать побольше о магии тёмных! Правда, все заклятия сородичей у Милли ра-

ботали как-то не так, но от этого Брашу становилось только интереснее. Он всерьёз решил разобраться с тем, что из себя представляет магия «белой вороны» Эмиландил.

Правда, для этого Милли пришлось объяснять ему, как работает магия тёмных эльфов и чем отличается от магии светлых. Почти всю дорогу она лихорадочно вспоминала всё, что читала в книгах из основополагающих принципов. А Браш впитывал эти знания, как губка.

Всё изменилось после гибели Грыма.

Я вздрогнула, вспомнив события собственной книги. Да, забавно. Перед экраном компьютера всё казалось таким простым и логичным. Пожертвовать одним героем ради того, чтобы Милли не попала в столицу, а оказалась в плену у разбойников, а Браш с Торгисом и Бугалоном, решив, что эльфийка погибла, продолжили своё путешествие в Лианор...

Что было дальше? А какая теперь разница. Всё равно после моего появления сюжет явно повернёт в другую сторону. Можно, конечно, попытаться повторить события, но...

Я просто не могу. Глупо, правда? Я не могу позволить умереть тому, кого придумала сама... и кто на самом деле уже давно умер — ещё тогда, когда я только начинала писать книгу. Но теперь всё иначе.

Он здесь, рядом со мной, я слышу его спокойное, ровное дыхание. И вчера, когда я смотрела в эти каре-зелёные глаза с вертикальными зрачками, они были такими... настоящими.

Если вы когда-нибудь писали книгу, то должны понимать, как иногда хочется посмотреть в глаза тому, кого придумал сам. И мне это удалось.

Стоит ли удивляться тому, что теперь я не могла убить Рыма?

— Линн, просыпайся! Мы должны позавтракать и отправляться в путь, — Милли несколько раз потрясла меня за плечо, но почти сразу отошла в сторону, решив, что я и сама проснусь.

Была бы я в Москве... покемарила бы ещё немного, конечно. Но здесь спать мне некогда.

Поэтому я быстренько выскочила из одеяла и направилась к ручью вместе с Милли.

Умываться ледяной водой с утра — то ещё удовольствие, особенно если привык к горячему душу. Но я вообще человек неприхотливый, так что ничего... вытерпела. Не люблю жаловаться на обстоятельства, которые всё равно невозможно изменить.

— Милли, скажи, — я решила прояснить один вопрос, пока мы умывались, — меня можно как-то обнаружить другим магам? Если моя так называемая сила весьма необычна, то, наверное, можно, да?

Эльфийка вздохнула.

— Да, Линн, это так. Но... след очень слабый, едва осязаемый, его не каждый маг почует. К примеру, я уверена, что,

отойдя от тебя на расстояние шагов в пятьсот, я уже ничего не почувствую. Именно поэтому нам нужно как можно скорее убираться с этого места, пока сюда не нагрянули желающие отобрать у тебя силу.

— А можно этот след как-то замаскировать? Чтобы его совсем никто не мог почуять?

— Наверное, можно, — опять вздохнула Милли. — Но я понятия не имею, как. И Браш тоже не знает. В любом случае, выяснить твоё точное местонахождение при помощи этого следа нельзя, так что не волнуйся. Если кто-то всё-таки явится, мы справимся. Гал, Тор и Рим — великолепные воины, Рим ещё и колдовать умеет, да и мы с Брашем тоже не самые последние маги.

Я кивнула, пытаясь скрыть нервное состояние. И вроде всё логично Милли говорила, но... Какое-то невнятное чувство тревоги внутри. Будто на меня уже начали охоту.

Знать бы, что за сила мне досталась. И почему все говорят именно «сила», а не «магия»?

Но спросить об этом Милли я не успела — к ручью подошли Браш с Торгисом.

— Вы уже закончили утренний туалет? — хмуро спросил гном. — Там Гал завтрак состряпал, вас ждался уже.

Троль-повар — это, я скажу вам, потеха. Они вообще-то готовить не умеют. Но только не Бугалон. А вообще, я только сейчас, попав в собственную книгу, начала понимать, насколько мои герои необычны по меркам этого мира.

Вот и сейчас Бугалон сосредоточенно размешивал ложкой нечто в котелке и, увидев нас, улыбнулся.

— Доброе утро, — поздоровался он. Голос у него был звучный, как труба, грубый и немного хриплый. — Есть бу-дете?

Мы, кивнув, сели рядом. И я тут же стала озираться по сторонам в поисках Рыма. А, вот и он. За лошадьми ухаживает.

Кстати!

— Милли, а с кем я поеду? Ведь лишней лошади для меня у вас нет.

— Ну, одна деревенька где-то часа через четыре будет, заедем туда, купим тебе лошадь, — спокойно ответила эльфийка. — А пока со мной поедешь.

Я нервно сглотнула. Последний раз я на лошади сидела, когда мне было шесть. И то это пони была.

А тут — настоящая, большая лошадь! Жуть. Надеюсь, я не упаду.

— Если хочешь, можешь ехать со мной, — предложил подошедший Рым. — Мой конь очень выносливый. Сядешь впереди, буду тебя держать.

Я с сомнением покосилась на внушительную фигуру орка. Бедный коняжка, я ему не завидую! И почему я задумалась об этом только сейчас?! А когда писала книгу, всё казалось таким очевидным... Мне даже в голову не пришло, насколько тяжело лошади везти на себе Рыма.

Уловив моё сомнение, орк улыбнулся, сел рядом и, взяв тарелку с приготовленной Бугалоном кашей, сказал:

— Линн, мой жеребец — миранг. Это специально выведенная порода лошадей для таких, как я или Гал. Обычный конь, конечно, давно бы пал, не выдержав моего веса. А миранги очень выносливые. И, поверь, он даже не заметит, что ты на него села. Ты же лёгкая, как пушинка.

Ну да, по сравнению с Рымом, конечно, лёгкая.

Как только от ручья вернулись Браш с Торгисом, я решила завести тот самый разговор, о котором думала полночи. И, откашлявшись, обратилась к Рыму:

— Послушай, Рим... А мы можем как-нибудь обойти эту дорогу? Пойти по другой, например, сделать небольшой крюк.

— Что? — удивился он. — Можем, конечно. Только зачем?

— Понимаешь... — я вздохнула. Ну да, я бы на его месте не поверила девчонке, которую они нашли только вчера. — У меня бывают вещие сны. Редко, правда, но бывают. И мне снилось, что там, впереди, нас ждут разбойники. Они нападут на нас... и ты погибнешь.

Рым поперхнулся кашей, Гал застыл, так и не донеся ложку до рта, Тор и Милли уставились на меня, вытаращив глаза, а Браш моментально вскочил с места и, встав лицом к дороге, сделал несколько пассивных шагов руками.

Через несколько секунд он повернулся к нам и, окинув

меня внимательным, цепким взглядом, сказал:

— Там действительно кто-то есть. Человек двадцать, часах в двух пути отсюда. Насчёт разбойников не знаю, но то, что люди это нехорошие, я чувствую. От них веет кровью и смертью.

— Маги? — отрывисто бросил Рым.

— Один-два, не слишком сильные. Способны явно только на примитивные боевые заклинания.

Услышав это, орк поднял на меня удивлённые глаза.

— Тогда как они могут убить меня, Линн? — спросил он с искренним недоумением.

Как, как... Их двадцать пять, если быть точным, а вас... Вас всего лишь пятеро, не считая меня. И пока Гал будет драться сразу с пятью, Тор возьмёт на себя троих, а Милли с Брашем будут пытаться заколдовать всех разом... Никто не заметит прилетевшую из кустов отравленную стрелу. Поначалу не заметит, конечно. А потом будет поздно.

Роковое стечение обстоятельств. А ещё... воля глупого автора, то бишь меня. Вот чего мне стоило оставить Рыма в живых? Изменить пару абзацев... А я...

Неприятно это — чувствовать себя убийцей.

— Я не знаю, — наконец выдавила из себя. — Просто при-
снилось. Вы можете мне не верить, конечно, но...

— Я тебе верю, — отрезал орк. — Мы сделаем крюк. Обойдём этих людей.

Я удивилась. И, подняв голову, посмотрела на Рыма.

В его глазах плясали огоньки, почти как вчера вечером. И, глядя на него, я почувствовала, как внутри меня, близко-близко к сердцу, стало очень радостно и сладко. А потом почему-то перехватило дыхание и уши будто загорелись.

— Линн!

Я с усилием заставила себя повернуться к Милли.

— Так с кем ты поедешь?

И когда я отвечала на этот вопрос, у меня горели уже не только уши.

Лес, в котором мы все сейчас находились, я назвала Тихим. Здесь было мало крупных животных, в основном мелкие грызуны и самые разные птицы. И порой, особенно ночью, в лесу стояла такая тишина, какой никогда не услышать в большом городе, где всегда жила я.

Наверное, описывая этот лес, лежащий на юго-западе от эрамирской столицы, я писала о собственной мечте.

Зелень, покой и тишина. И никаких высотных домов, больших полей, шума скоростного шоссе и громкого лая собак...

Чтобы сделать крюк, нам пришлось немного отойти назад по дороге, свернув на небольшую тропинку. Таким образом мы удлиняли себе путь на несколько часов, но уж лучше так, чем лишиться Рыма.

Его жеребца звали Смарагд, и он весьма меланхолично отнёсся к тому, что меня на него усадили. Видимо, конь считал

меня поклажей.

Ехать с Рымом было очень... уютно. Сильные руки обнимали крепко, и я уткнулась макушкой в грудь орку, намереваясь немного подремать.

— Ты — как большая тёплая подушка, — пробормотала я, устраиваясь поудобнее. Он промолчал. Минут через пятнадцать я заснула, не обращая внимания ни на что.

Не знаю, сколько я проспала, думаю, что не очень много. Но проснулась от жуткого, ледящего кровь чувства опасности... и ещё кое от чего.

Я чувствовала дыхание Рыма на своей шее. И эти объятия... они уже были не просто поддерживающими и дружескими. Нет-нет, совсем не просто. Рым прижимал меня к себе, как желанную женщину и, наклонившись, странно, прерывисто дышал мне на ухо.

Проснувшись, я обернулась, и почти сразу пожалела об этом. Потому что в тот момент глаза у Рыма не были каре-зелёными. Они были чистым пламенем. В них плескался огонь, и казалось, будто он сейчас вырвется наружу и сожжёт и меня, и весь этот лес к чёртовой бабушке.

— Молчи, Линн, — прошептал Рым, прикасаясь губами к моему лбу. — Ради всех богов, молчи!

Да я и не собиралась разговаривать. И не только потому, что мне было нечего сказать. Просто в этот момент прямо перед нашим отрядом появилась группа каких-то людей в чёрном. Впрочем, людьми они не были точно.

Тёмные эльфы. И, судя по тому, что появились они словно из воздуха, воспользовавшиеся амулетами мгновенного переноса. Очень дорогими амулетами, кстати.

В следующую секунду пространство вокруг меня взорвалось огненными вспышками. Воздух задрожал...

Ни разу в жизни я не видела ничего подобного. И надеюсь, что больше не увижу. Потому что это было действительно страшно.

Когда сидишь дома, в тёплом кресле, и не спеша описываешь представляемые события, всё получается так гладко и логично. Ты будто видишь разом всех своих героев. Вот один, вот другой, вот третий, и за ними кто-то наблюдает из кустов. А когда ты сам находишься в центре событий... просто не успеваешь следить за всеми. И потом, пытаюсь восстановить в памяти последовательность событий, понимаешь, что это бесполезно. Кажется, будто всё происходило одновременно.

Я увидела стрелу, выпущенную Милли почти сразу, как эльфы оказались перед нами. Она пронзила одну чёрную фигуру, и маг пал, как подкошенный. Рядом Браш держал поднятыми вверх дрожащие руки, и вся его поза говорила о том, как ему тяжело. Прядь его тёмных, мокрых от пота волос прилипла ко лбу. Почему-то я очень хорошо запомнила именно эту прядь... а ещё мелькнувшее в глазах Браша отчаяние и срывающийся от напряжения голос:

— Я долго не удержу щит!

— Держись! — крикнула Милли. — Я знаю, что делать. Ещё минутку, пожалуйста, Браш!

Маг кивнул, и в ту же секунду Эмиландил, достав кинжал, мазнула им себя по запястью. От вида крови, хлынувшей из раны, мне резко стало дурно.

— Что ты собираешься делать, Милли? — спросил Рым, одной рукой сжимая мне плечо. В другой он держал меч.

— Лишить их магии, — спокойно ответила эльфийка. — А теперь тихо. Эмиран уллатин беш хос! Этнахан!

Я знала это заклинание. Магия крови тёмных эльфов, отнимающая силу у всех, угрожающих тому, кто это заклинание произносит. Небольшой побочный эффект — теперь Милли сама не сможет колдовать где-то сутки. Да и Браш тоже, но не из-за Эмиландил, а из-за щита, который он держал уже достаточно долгое время. Когда в твой щит летят заклинания сразу семерых тёмных эльфов, это не так-то просто.

В миг, когда Милли произнесла последнее слово, Браш опустил руки, тяжело дыша, и будто уснул, склонив голову на бок. Рым, Тор, Гал и Эмиландил сразу же спрыгнули с лошадей. И меня орк тоже утянул за собой на землю.

— Линн, — сказал Грым, даже не глядя на меня — всё его внимание сейчас было приковано к семерым тёмным эльфам, которые медленно доставали оружие. — Стой, где стоишь и не смей двигаться, что бы ни случилось. Я тебя прикрою.

— А я прикрою Браша, — сказал Тор. Да уж, маг сейчас

был не в состоянии даже руки поднять, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

— Хорошо, — кивнул Рым. — Гал, вперёд. Милли, стреляй!

Говорят, эльфы никогда не промахиваются. Возможно, если стреляют в людей. Но когда в своих... В общем, из всех выпущенных Эмиландил стрел в цель попала только одна, не считая первую, убившую одного противника в самом начале схватки. Но то было скорее эффектом неожиданности. Сейчас же все тёмные эльфы перерубали летящие стрелы мечом. Только одна поразила плечо сородича Милли.

Я вертела головой то вправо, то влево, стремясь рассмотреть всех участников сражения. Слева от меня бился Тор, гневно сверкая янтарными глазами. По силе и ловкости гном ничуть не уступал тёмным эльфам, даром что был ниже ростом. Чуть впереди, яростно скалясь, схлестнулся сразу с двумя магами Гал. Сила его ударов была такой, что мне казалось — сейчас у его соперников мечи вылетят из рук. Но этого так и не случилось.

Чуть правее от меня бился Рым, и почему-то за него я волновалась больше всего. Ему достались какие-то особенно крупные эльфы, и среди них, кажется, был главный этого отряда. Я, замирая, следила за тем, как Рым отбивает удары обоих соперников, пытаясь достать их своим мечом.

Сердце пропустило удар. Что-то не так...

Какая же я дура!!

Раз, два, три, четыре, пять... И с шестым тёмным эльфом сражалась Милли, отложившая наконец лук. А где седьмой?! Их же было семеро, я точно помню.

И тут я его заметила... воспользовавшись тем, что все были увлечены схваткой, он подобрался к спине Рыма. Движения его были плавными, но быстрыми, и я уже не сомневалась — ещё пара секунд, и он вонзит в спину моего орка какой-нибудь колюще-режущий предмет.

— Рым, сзади! — завопила я, бросаясь наперерез тёмному эльфу.

И это был, пожалуй, очень глупый поступок. Потому что Рым, оглянувшись на меня, чуть не пропустил удар — меч одного из соперников царапнул плечо орка.

А тёмный эльф, наперерез которому я помчалась, вдруг как-то странно ухмыльнулся и, схватив меня за руку, разбил мгновенный амулет переноса, который сжимал в ладони.

Милли, конечно, отняла у них магию... Но магию из амулетов это заклинание на высасывает. И последним, что я увидела, прежде чем меня накрыло чёрное облако, будто спустившееся с самих небес, были потемневшие от ужаса глаза Рыма.

— Линн!!! — завопил он отчаянно, а в следующую секунду меня утянуло в темноту.

За пределами повествования

Мой дорогой брат!

Я нахожусь в Эйме уже вторую неделю и должна с пригорбием сообщить тебе, что отношение ко мне тёмных эльфов пока не поменялось в лучшую сторону. Хотя я очень стараюсь. И с Робиаром я любезна, ведь я знаю, как для тебя важен наш брак, и всецело разделяю твои стремления.

Не могу сказать, что он мне сильно нравится, но, по крайней мере, Робиар не смотрит на меня с пренебрежением во взгляде, как остальные. Он вежлив и обходителен, и кажется, сам понимает необходимость этого брака. Он помогает мне во всём, поддерживает, рассказывает об истории и традициях тёмных эльфов.

Знаешь, Интамар, я думаю, что когда-нибудь смогу полюбить его.

Прошу тебя, напиши мне, как дела у Лунии. Я за неё очень переживаю. А письма от тёмных эльфов к светлым не доходят, впрочем, как и наоборот. Они всё ещё пытаются определить, кто из них древнее, и не принимают корреспонденцию друг у друга.

Правда, смешные? Как будто это имеет хоть какое-то значение!

С любовью, твоя сестра Лемена

Архив личных писем Интамара, императорская библиотека

С того дня, как Люк дал клятву верности Эдигору, сын

кухарки всюду следовал за будущим императором. Пажу наследного принца пошили столько костюмов, что Люк мог переодеваться хоть по три раза в день, и всё равно не сносил бы всех нарядов даже за месяц.

Теперь Люк Кросс, личный паж его высочества, учился вместе с Эдигором всему — арифметике, экономике, истории и даже ратному делу. Искусство обращения с мечом, кинжалами и прочим оружием мальчикам преподавал Аравейн, оказавшийся на редкость хорошим воином.

— Запомните, — говорил наставник на первом уроке, — все без исключения маги на редкость самонадеянны. Они искренне считают магию панацеей и думают, что ни один человек, не умеющий колдовать, не способен их победить. Если бы вы знали, сколько пало магов от рук обычных людей! Я всегда говорил — не стоит переоценивать магию и недооценивать умение держать в руках меч.

И мальчишки учились сражаться. И если в самом первом бою на деревянных мечах Люк нанёс Эдигору сокрушительное поражение, то уже через пару лет стало ясно, что воин из будущего императора получится гораздо лучший, чем из его пажа.

Так проходили год за годом. Дни были похожи один на другой, как две капли воды. После завтрака — уроки с учителями Мэридишем, Гроханом или Джудом, после обеда — занятия с Аравейном или верховая езда, и только после ужина мальчишки были предоставлены сами себе. Пару часов до

сна они обычно посвящали играм или просто разговаривали.

В тот день учитель Грохан объявил, что сегодня начнётся новый предмет — внешняя политика. Эдигору и Люку уже исполнилось по десять лет, и император считал, что пора вводить наследника в курс дела.

Услышав эту новость, принц заметно оживился. Знания он всегда впитывал как губка и ему изрядно надоели рассказы Грохана об обычаях тех или иных рас, особенностях экономического развития разных концов Эрамира, истории о возникновении городов... Хуже был только Мэридиш с его любовью к повторению элементарных математических формул.

— Как вы, вероятно, помните, ваше высочество, император Интамар почти двести лет назад после продолжительной войны объединил земли Эрамира, и с тех пор все расы живут под властью одного императора. Эрамир — большой континент, от северного побережья до южного — шесть недель пути на самых быстрых лошадях, а от западного до восточного — больше восьми. В двух днях пути по морю от самого восточного из наших городов начинается Мирнария. Этот континент в три раза меньше Эрамира, но, как и у нас, вся власть находится в руках одного императора...

Эдигор, затаив дыхание, слушал Грохана. Он много читал про Мирнарию и знал, как сильно она отличается от его родной империи. Обычай, внешность людей — а этот континент населяли только люди — и даже магия... всё отличалось от

привычного и знакомого. И ненависть между мирнарийцами и эрамирцами, казалось, впитывалась с молоком матери. Это состояние учитель Грохан называл «вооружённым нейтралитетом» — вроде и войны пока нет, но чуть что — и она непременно начнётся.

— В самой Мирнарии и в настоящее время существует огромное количество тайных обществ, которые считают своим долгом спровоцировать войну с нами, — продолжал учитель. — Сам император Басад старается поддерживать мир и не препятствовать торговым связям, но, к сожалению, в мирнарийском обществе наблюдается огромный разброд и шатание. Выловить и казнить всех заговорщиков не представляется возможным.

Эдигор прикрыл глаза, вспоминая, что он читал о Мирнарии в книгах из императорской библиотеки. А читал он немало. Особенно много страниц различные исследователи посвящали анализу причин взаимной ненависти мирнарийцев и эрамирцев. И у наследного принца уже давно сложилось собственное мнение на этот счёт.

До того как император Интамар объединил земли Эрамира, на континенте насчитывалось более десяти различных королевств (или княжеств, вольниц, содружеств, племён — тут уж как кому больше нравилось себя называть). Орки, тёмные и светлые эльфы, гномы, гоблины, люди и прочие расы — все жили отдельно и не слишком горели желанием объединяться, к тому же объявлять своим императором чи-

стокровного человека.

Интамар ступил на трон, когда ему не исполнилось и двадцати лет, и сразу же был вынужден участвовать в кровопролитной Последней войне — войне, которую начал ещё его отец. И на поле боя юный Интамар потерял лучшего и единственного друга. В тот момент император поклялся, что делает всё возможное, чтобы прекратить эти бессмысленные убийства, называемые войной.

Через пару недель Интамар заключил с гномами взаимовыгодный торговый союз. Понадобилось всё его дипломатическое искусство, чтобы уговорить короля гномов подписать договор о взаимном ненападении, признании территории гномьего королевства входящим в состав Эрамира — человеческой империи — и предоставлении гномам равных с людьми прав. Но у Интамара всё получилось. Немалую роль сыграл тот факт, что император пообещал — на протяжении ста лет всё оружие для Эрамира будут изготавливать только гномы, а взамен получают самые лучшие фрукты, овощи, вино и мебель.

Постепенно Интамар заключил подобные договоры со всеми расами. Сложнее всего было уговорить эльфов — и тех, и других. Они и до сих пор были не слишком довольны тем, что находятся под властью человека, от бунта их удерживало только то, что пользы от такого союза больше, чем вреда. Да и Интамар когда-то сделал мудрую вещь — в жёны Повелителю тёмных эльфов отдал сестру, а светлых — дочь.

Интамар, так же, как и Эдигор, в детстве много читал. И когда-то давно он вычитал, что эльфы не станут воевать против родственника, пусть даже очень дальнего. Плести интриги, выражать недовольство, бунтовать — да, но не объявлять открытые боевые действия.

Процесс объединения Эрамира занял у Интамара больше двадцати лет. Это стало смыслом его жизни. И, умирая, император произнёс: «Раса, которая нарушит мир наших земель и начнёт войну, навлечёт на себя вечное проклятие». Почему-то за сто пятьдесят лет, что существовали объединённые земли Эрамира, никому и в голову не пришло усомниться в словах давно умершего великого императора, который был, в конце концов, просто человеком.

А Мирнария... Что ж, возможно, именно наличие среди эрамирцев такого огромного количества представителей различных рас и пугало жителей соседнего континента. Ведь они-то все были людьми — невысокого роста, крепкого телосложения, в основном тёмноволосые и темноглазые, обладающие крайне малыми способностями к магии. Очень своеобразной магии. И пусть мирнарийцы все были людьми, их земли постоянно потряхивало от различных бунтов, покушений на представителей власти, а количество тайных обществ и орденов, объявляющих святой целью «свержение режима императора Басада и уничтожение враждебных рас Эрамира» стремилось к бесконечности.

И всё бы ничего, но за последние пятнадцать с лишним

лет — время правления отца юного Эдигора — отношения с Мирнарией становились всё хуже и хуже. Эдигор Первый не зря носил гордое прозвище Вспыльчивый. С императором Басадом он находился в крайне напряжённых отношениях. И купцы Эрамира предпочитали на землях Мирнарии не высаживаться вовсе — быстренько грузили товар, забирали то, чем торговали соседи, и уплывали. Ибо знали — оставшись на ночь в портовом мирнарийском городе, наутро можно проснуться с перерезанным горлом.

Такие вот добрососедские отношения.

Учитель Грохан как раз открыл рот, чтобы начать рассказывать Люку и Эдигору о тайных обществах Мирнарии, когда в дверь постучали.

— Чай для его высочества и его пажа, — склонила голову вошедшая служанка в смешном белом чепчике, из-под которого выбивались светло-русые кудряшки. Девушка, видимо, страшно смущалась, поэтому не смела даже поднять глаз и посмотреть на принца.

— Спасибо, — ответил Эдигор и, дождавшись, пока разом покрасневшая как помидор девушка выйдет из комнаты, тихо сказал Люку:

— Можешь выпить всё, я не хочу.

Впоследствии наследный принц много думал о том, что было бы, если бы он всё-таки выпил тот злополучный чай. Ведь ещё ни разу Эдигор не пропускал утреннего чаепития и даже часто с удовольствием закусывал принесённой свеже-

испечённой булочкой.

Люк, кивнув, сосредоточенно налил в чашку напиток, стараясь не расплескать ни капли, и, глубоко вздохнув, сделал большой глоток.

Прошло примерно пять секунд, прежде чем паж его императорского высочества, закатив глаза, молча рухнул на пол.

— Люк!!!

Никогда в жизни ещё Эдигору не приходилось кричать так громко. Он даже не знал, что способен на подобные высокие звуки.

И почти тут же, увидев, что друг забился в припадке, а на его губах выступила пена, наследный принц снова заорал, только на этот раз так, что стёкла в окнах задрожали:

— АРАВЕЙН!!!

Учитель Грохан уже вертелся рядом с Люком, дрожащими пальцами пытаясь расстегнуть его камзол, когда пространство возле стола закружилось белыми снежинками.

— Что случилось, ваше высочество? — спокойно спросил Аравейн, ещё даже не появившись в комнате полностью — снежинки просто обрисовали его фигуру, и только два огромных сапфировых глаза сверкали там, где должна быть голова.

Вместо ответа Эдигор указал рукой на бившегося в агонии Люка.

Наконец снежинки осыпались, и в комнату шагнул Аравейн. Сел возле мальчика, приложил ладонь к его лбу, что-

то прошептал... и нахмурился.

— Ваше высочество, попросите ничего не трогать в этом кабинете, — сказал маг Эдигору. — А потом приходите ко мне.

Снежинки вновь укутали фигуру Аравейна, захватив теперь заодно и Люка... А потом обе фигуры растворились, и Эдигор знал, что в эту секунду маг уже приступил к лечению его друга.

Пара минут потребовалась наследному принцу, чтобы выгнать всех из кабинета, запереть его и доложить о случившемся начальнику стражи. Пришлось рассказать и о служанке, которая принесла чай. Эдигор не сомневался, что девчонке достанется, но сейчас был не в состоянии думать о ком-то ещё, кроме Люка.

Когда будущий император добрался до покоев Аравейна, он уже находился в состоянии тихой паники. Путь был неблизкий, и Эдигор за это время напридумывал себе столько всего, что уже почти не сомневался — друга живым он не застанет. Но никто из придворных, попадавшихся мальчику навстречу, ничего не заподозрил, потому что на лице наследного принца не отражалось ни единой эмоции. И единственное, что выдавало его состояние, это нервно подрагивающие кончики пальцев.

В покоях Аравейна было темно, но Эдигор сразу рассмотрел лежащего на кровати Люка. Друг больше не бился в припадке, только был бледен, как смерть. В его приоткрытые гу-

бы маг осторожно вливал какую-то красную жидкость.

Принц остановился в дверях, боясь помешать Аравейну. Тот молча вылил в рот Люка всё, что было в стакане, а потом повернулся к Эдигору.

— Ваше высочество, — тихо сказал Аравейн, — боюсь, я ничем не смогу помочь. Это болотная голубика. Отравление можно замедлить, но...

Будущий император только устало прикрыл глаза. Больше всего на свете он боялся заплакать. Ведь, в конце концов, он был всего лишь мальчишкой... мальчишкой, который потерял лучшего друга. Единственного друга.

Но нельзя... нельзя. Императоры не плачут. Даже будущие.

— Кто? — сказал Эдигор и удивился — настолько не похож был этот голос на его собственный.

Аравейн покачал головой.

— Я пока не могу сказать. Для этого мне нужно допросить ту служанку. Я уверен, девочка что-то знает.

— Хорошо, — кивнул принц. — Допросите. О результатах доложите мне. А сейчас оставьте меня, пожалуйста, с Люком.

Маг кивнул и молча вышел из собственной спальни. А Эдигор тут же подошёл к кровати и, сев рядом с другом, взял его за руку.

Она была холодной... и уже неживой. Болотная голубика — единственный из всех известных природных ядов, про-

тив которого так и не придумали противоядие. Чаще всего её добавляли в десерты, так как болотная голубика обладала довольно приятным, но фруктовым привкусом, и во многих блюдах её можно было почувствовать. Но не в любимом у Эдигора с Люком чае... фруктовом чае. И кто-то ведь об этом знал, кто-то спланировал убийство.

Чьё? Неужели Люка хотели отравить? Скорее всего, цель была иная — Эдигор, будущий император.

Но какая теперь разница? Его единственный друг лежал в постели, бледный и холодный, и Эдигор знал: пройдёт чуть больше суток, и от Люка останется только физическая оболочка, а душа улетит туда, где неважно, кто ты — принц, будущий император или сын кухарки, а важно что-то совсем другое.

Что-то такое, из-за чего Эдигор так любил своего единственного друга. И из-за чего теперь он, пока никто не видит, тёр внезапно заболевшие глаза кулаком.

Что это? Слезы? Нет-нет. Ведь императоры не плачут. Даже будущие.

Глава четвёртая, в которой всё становится ещё хуже

— Сердцу не прикажешь... Так народ говорит.

— Глупости он говорит, ваш народ. Сердце такой же орган, как и иные... И подвластен приказу свыше.

«Формула любви»

Попасться так по-дурачки... Пожалуй, на это способна только я. Не знаю, как эти тёмные эльфы вычислили, что я сорвусь на защиту Рыма, но тем не менее — они оказались правы.

Когда меня накрыло чёрное облако, я пыталась вырвать ладонь из руки эльфа, но куда там! Проще её топором отрубить, чем освободиться.

Я уже примерно представляла, куда меня занесёт. Всё-таки я не совсем дура... Тёмные эльфы — значит, Робиар, папенька Милли. А это... знаете, это действительно плохо. Если я хоть что-то понимаю в собственной книге, то меня ждёт прекрасная в своей мучительности смерть. А может, что-нибудь похуже. В любом случае, ничего хорошего.

Почему-то внутри оставалась какая-то невнятная, смутная надежда, что Рим всё-таки меня спасёт. Хотя... зачем это ему? Кто я ему? Он знает меня со вчерашнего дня, и ни-

чего, кроме неприятностей, я его отряду не принесла. Зачем ему меня спасать?

Но, тем не менее, вспоминая его последний отчаянный крик, я понимала, что не всё так просто... и у меня ещё есть шанс. Пусть небольшой, но он есть.

Рым... миленький, спаси меня! И если ты это сделаешь, я тебя никогда-никогда не убью... Честное авторское!

Между тем, пока я предавалась мрачным мыслям, чёрное облако рассеялось, и я оказалась в большом зале со стеклянным полом, зеркальным потолком и стенами. Прямо передо мной стояла троица из ночных кошмаров Милли — Робиар, Повелитель тёмных эльфов, и два её братика — Виан и Тимирей.

Что ж, я так и думала. Только вот почему-то от этого совсем не легче.

— Добро пожаловать, — Робиар улыбнулся... вполне очаровательно, кстати. Ох, дорогой, если бы не я тебя придумала, возможно, уже валялась бы в ногах от восторга! Ведь тёмные эльфы — мастера кровной любовной магии и способны вызвать в женщине — особенно в обычной человеческой женщине — желание одним взглядом.

Но вот только не хватало мне сейчас этого ушастого возжелать. Милли мне этого не простит!

Видимо, не заметив никаких признаков энтузиазма на моём лице, Робиар улыбнулся шире, и даже сделал какой-то жест ручкой.

Да, была бы обыкновенной человечкой, а не попаданкой из другого мира — уже пускала бы глупые влюблённые слюни.

— Здрасти, — поздоровалась я весьма невежливо. — Не подскажете, куда это меня занесло? И кто вы такие?

На мгновение в глазах Робиара мелькнуло восхищение, Виан же недовольно скривился, а Тимирей сказал отцу на ухо:

— Это будет не так просто, как хотелось бы.

— Я и не обещал, что будет просто, — усмехнулся Робиар, а затем вновь обратился ко мне: — Я — Повелитель тёмных эльфов Робиар, а это — мои сыновья Виан и Тимирей. И место, где ты оказалась, называется Эйм — это личная резиденция Повелителя. Можно сказать, императорский замок.

— Императорский замок в Лианоре находится, — возразила я. — А у тебя — Повелительский.

Думаете, это хамство? Мол, как я смею обращаться к столь важному вельможе на «ты»? А вот так — смею. Нет, ну это ведь глупо — я же сама его придумала! Разве можно «выкать» собственным фантазиям?

Кроме того, я банально трусила. От страха даже живот сводило.

— Логично, — эльф хмыкнул. — Но ты так и не представилась. Как тебя зовут, прекрасная незнакомка?

Ну так уж прям и прекрасная... По сравнению с этими тремя эльфами я вообще — чучело немытое. И нечёсаное.

— Линн, — я чуть наклонила голову, изображая почтение. — Но чем я обязана тому, что вы затащили меня в свой замок?

Тут в пространстве вокруг меня закружились чёрные вихри... И спустя пару мгновений из порталов вывалилась оставшаяся «группа захвата». К моей радости, больше никого из отряда Рыма эльфы с собой не притащили. Я бы этого не пережила.

Впрочем... И сама «группа захвата» тоже вернулась не вся.

— Четверо из восьми магов погибли, Повелитель, — сказал один из вернувшихся, тут же опустившись на колени перед Робиаром. — Я готов понести наказание.

Видимо, это был главарь «банды».

Правитель поморщился.

— Что случилось, Гром? Почему половина группы погибла?

— Там была ваша дочь, Повелитель, — склонил голову Гром. Интересно, это имя или прозвище?

— Ах вот оно что... — протянул Робиар. — Это многое объясняет. Видимо, моя предприимчивая дочурка применила заклятье крови, лишаящее силы? Теперь я жалею, что не удавил её ещё при рождении.

— А потом, Повелитель, когда Минтирель разбил амулет перемещений, захватив с собой девчонку, орк будто обезумел и порешил троих ближайших к себе магов, — Гром по-

морщился. — Я пытался его остановить, но... Если бы мы предприняли попытку захватить принцессу Эмиландил, то погибли бы все, я уверен.

— Оставь, Гром, — Робиар махнул рукой. — Моя дочь совершенно не нужна мне. Жаль только, что вы её не убили.

Меня передёрнуло. Да уж, прекрасный папашка! Мечта для любой девушки. Спит и видит, чтобы собственную дочь в капусту порубить.

— Зато вы добыли главное. То, ради чего всё затевалось... — и Робиар вновь переключил своё внимание на меня.

— Ну и зачем я вам всё-таки понадобилась? — спросила я, скрестив руки на груди. — Может, объяснишь, Повелитель? Чего во мне такого особенного?

— Обязательно объясню, — по губам Робиара зазмеилась неприятная, нехорошая усмешка. — Только позже. А пока... Гром, пожалуйста, проводи нашу... хм... гостью в её комнаты. Останешься с ней. Глаз не спускать! Головой отвечаешь.

Эльф опять почтительно склонил эту самую голову, а потом поднялся с колен и, схватив меня за руку, вывел из зеркального зала.

Покои мне достались трёхкомнатные. Просторные, с высокими потолками, огромным количеством полупрозрачных тканей пастельных оттенков на стенах в качестве драпировки и вновь со множеством зеркал. А в спальне стояла настолько большая кровать, что я даже покраснела. Таких де-

вушек, как я, на ней можно было уложить штук тридцать, не меньше.

Гром чёрной тенью следовал за мной по пятам. Это раздражало. В конце концов я, не выдержав, обернулась к эльфу и зашипела:

— В ванную ты тоже со мной пойдёшь?!

— Повелитель просил не спускать с вас глаз, госпожа, — ответил Гром совершенно спокойно. — Поэтому мой ответ — да.

Похоже, мне любитель стриптиза попался в охранники. Возможно, если бы я была гламурной блондинкой, дело бы закончилось истерикой. А так... Гром эльф, такая «человечина», как я, ему не интересна, помогать не будет, а за просмотр денег не берут. В конце концов, отказываться от горячей ванны после всего случившегося из-за непрошеного зрителя я не собиралась. Так что пусть смотрит. Заодно я сама погляжу, умеют ли эльфы краснеть.

Оказалось — умеют. С того самого момента, как я, раздевшись, нырнула в ванну, и до того, как я, чистенькая, завернулась в длинное белое полотенце, на щеках у Грома горели два красных пятна, как будто ему по физиономии кто-то утюгом проехался.

Не то, чтобы я совсем не стеснительная, просто я эльфов почему-то как мужчин не воспринимала. Похожие чувства в нашем мире я испытывала к врачам-мужчинам. Врач — существо бесполое, вот и эльф... тоже. Как бы смешно это

ни прозвучало.

Да и глупо как-то в моём положении думать о том, чтобы стесняться. Меня тут, может, скоро убьют, перед этим забрав неведомую силу, а я буду перед каким-то эльфом краснеть? Нет уж, не дождётесь.

— Интересно, — тихо сказал Гром, когда я, завернутая в полотенце, вышла из ванной, — все человеческие девушки настолько бесстыжие, или ты — исключение?

Я фыркнула.

— Это я-то бесстыжая? Прости меня, любезный, но не я на тебя паялилась целый час во время мытья. Кто тебе мешал отвернуться, ушастый?

Уши у Грома вспыхнули.

— Приказ...

— Вот именно. Так что нечего на меня бочку катить. Бесстыжая... А сам что, лучше? И вообще, в следующий раз ты будешь мыться, а я буду смотреть.

Я отвернулась от в очередной раз залившегося краской эльфа и огляделась.

— Так-с. Гром, а что мне надеть? Моя одежда чистотой не отличается.

— В шкафу есть платья, — глухо ответил эльф.

На самом деле там был целый гарнизон платьев. Я пребывала в задумчивости недолго. Рассмотреть всё это богатство жизни не хватит (моей так точно, а вот насчёт эльфийской не знаю, они ведь долгожители), поэтому я выбрала простое

белое платье с серебристым отливом и молча сбросила с себя полотенце.

— Знаешь, чего я не понимаю? — спросил вдруг Гром. Я стояла к нему спиной и натягивала платье на голое тело, кожей чувствуя, на какую его часть он пялится.

— Ну? — буркнула я, пытаюсь просунуть голову в ворот. Секунду спустя эльф мне помог, дёрнув вниз подол. И я каким-то немыслимым образом оказалась внутри этого несчастного платья. Гром повернул меня лицом к себе, оправил сбившийся ворот, застегнул пару пуговиц на груди и наконец сказал:

— Я хорошо рассмотрел тебя, пока ты мылась.

— Да ты шо? — усмехнулась я. — И как, заценил мою красоту неземную?

Эльф юмора не понял.

— По нашим меркам ты не очень красивая. Но... я не понимаю. Как ты могла спать с орком?

Я поперхнулась.

— Чего-чего?

— Я маг. Я почувствовал вашу с ним связь. Никакой другой связи, кроме любовной, у тебя с ним быть не может, поэтому... я сделал вывод, что ты с ним спала. Но я не понимаю — как?

Ответ «кверху каком» напрашивался сам собой, но мне показалось, что Гром его неправильно поймёт.

— А что тут такого странного? — я сложила руки на груди

и посмотрела на эльфа с иронией. К моему удивлению, у него вновь покраснели уши.

— Орки... они ведь большие. Он должен был порвать тебя.

В начале я даже не поняла, о чём говорит Гром. А когда поняла...

Таких подробностей я точно не придумывала, когда свою книжку писала. Это что, вольная интерпретация? Откуда это взялось?!

— Он был осторожен, — наконец нашлась с ответом я. — И вообще, не лезь в мою личную жизнь! Ты и так, можно сказать, ванную вместе со мной принимал, теперь ещё интимные вещи спрашиваешь. И вообще, почему вдруг перешёл на «ты»? Вначале же называл меня госпожой.

Гром высокомерно усмехнулся.

— На госпожу ты не тянешь.

— Да? — я подняла брови. — А на кого тяну?

— На человеческую шлюху, — сказал эльф.

Тут уж я не выдержала. Размахнулась и вlepила этому ушастому тяжёлую, звонкую пощёчину.

С лица Грома исчезло высокомерное выражение, но зато в его глазах вспыхнула ненависть. Кажется, в этом замке у меня появился ещё один враг. Хотя особого значения это не имело — друзей в Эйме у меня точно не водится.

Гром сдержался, молча отошёл к двери и встал возле неё немym изваянием.

Я усмехнулась. Села на диван и стала ждать Робиара. Откуда-то я знала, что Повелитель тёмных эльфов совсем скоро явится меня проводить.

И не ошиблась.

Светлые и тёмные эльфы испытывают друг к другу взаимную неприязнь, хоть и являются родственными расами — предки у них общие. И если вы думаете, что они отличаются друг от друга только цветом волос или глаз, то вы ошибаетесь.

Всё дело в магии. Светлые эльфы используют энергию Света и Природы, им подвластны стихии, их магия — живая, от неё даже пахнет цветами и солёной морской водой. Тёмные же эльфы берут силу у Тьмы, практикуют магию Крови и Смерти. Нет, мертвецов они не поднимают. Но, поверьте, поднятие трупов — это далеко не самое страшное, что можно придумать.

Воздействуя непосредственно на кровь любого существа — особенно человека — тёмные эльфы могут вызвать желание, недомогание, болезнь и даже смерть. Они могут заставить вас испытывать боль с помощью взмаха руки. На такое больше никто не способен. Никто, кроме них.

Нет, разумеется, это не подразумевает деление на «светлые — добрые, тёмные — злые». Если бы в мире всё было так просто. Стереотип о том, что Свет — это добро, а Тьма — зло, давно изжил себя. И светлые эльфы творили не мень-

ше плохих дел, чем тёмные, просто использовали для них другую энергию.

И сейчас, сидя на диване в ожидании Робиара, я прекрасно понимала, чем может закончиться моя экскурсия в Эйм. Так что, если Рим всё-таки собирается меня спасти, ему лучше сделать это поскорее.

Прошло примерно полчаса с момента, как я влепила Грому пощечину, когда наконец дверная ручка повернулась, и в комнату вошёл Робиар.

Я моментально вскочила с дивана.

— Сиди, — усмехнулся Повелитель. — Да и я тоже сяду, — он опустился на другой конец сиденья.

— Мне уйти, мой Повелитель? — спросил Гром. Весь его вид говорил о том, что ему не улыбается присутствовать при нашем разговоре. Но Робиар, к моему удивлению, покачал головой.

— Не стоит. Мне всё равно понадобится твоя помощь в дальнейшем, поэтому лучше ты поймёшь всё сейчас, чем я буду объяснять это ещё раз.

Гром кивнул и вновь застыл возле двери. Я поймала на себе его неприязненный взгляд и усмехнулась.

— Ну, Линн, — повернулся ко мне Робиар, — ты ведь хочешь узнать, зачем ты мне понадобилась?

— Разумеется.

Повелитель, неприятно улыбаясь, скрестил руки на груди.

— Неужели ещё не догадалась?

— Нет, — я покачала головой. — Правда, Эмиландил упоминала некое пророчество Альгиуса, но она так и не вспомнила его содержание.

Робиар вздохнул.

— Моя дочь с рождения уделяла внимание совершенно не тем вещам, игнорируя то, что действительно важно. Ну да ладно. Что ж, если тебе интересно, я могу познакомить тебя с пророчеством Альгиуса. Точнее, с двумя его пророчествами.

— Да? — Я недоверчиво уставилась на эльфа. — А это не большой секрет?

— Секрет? С чего бы это? — Робиар усмехнулся. — Эти пророчества ты сможешь прочесть в любой книге, посвящённой Альгиусу, а таких немало найдётся по всей империи. Кроме того, я не вижу смысла скрывать содержание предсказаний. Ты ведь всё равно уже находишься в Эйме и сбежать отсюда не сможешь.

— Эмиландил же смогла, — возразила я.

— Ты — не Эмиландил.

Да уж, с этим аргументом трудно поспорить.

— Хорошо. Что там за пророчества?

Робиар обворожительно улыбнулся, прикрыл глаза, будто наслаждаясь чем-то, и начал говорить:

— *Однажды в мир придёт сила, равной которой не будет. Силой этой можно будет изменять всё, стоит только пожелать. И разделит владелица этой силы её со своей любовью.*

Хм-м. Когда эльф открыл глаза, показывая, что он закончил, я почесала рукой затылок и воскликнула:

— И это всё?!

— Нет, — он покачал головой. — Только первое пророчество. Второе будешь слушать?

— Буду.

Повелитель вновь закрыл глаза.

— *И замрёт весь мир, когда придёт в него создавшая его. Когда встретятся и узнают друг друга две половинки одной души, когда тот, в чьих руках находится власть, четырежды избежит смерти и вспомнит свою любовь, когда та, что проклята ещё до рождения, уйдёт в Тень, — только тогда проснётся тот, кто видит сон, и будет позволено им вернуться к началу.*

... Если раньше я только слышала выражение «взрыв мозга», то сейчас испытала его на себе в полной мере.

Чертовщина какая-то. А ещё безумно напоминает сказку про Нильса и его верного дружка-гуся: «Когда одна палочка и девять дырочек... Когда король обнажит голову...»

Так, ладно. Создавшая мир — это, видимо, я. И мир замер, когда я в него завалилась — это тоже понятно. Но что значит — встретятся и узнают друг друга две половинки одной души? Это про меня и про кого-то ещё? Или это вообще не имеет отношения ко мне, а так, случайно приплелось? Непонятно.

Тот, в чьих руках находится власть — а вот тут могут быть

разночтения. К примеру, в руках Робиара власть тоже находится, но почему-то я думаю, что речь идёт об императоре Эдигоре. Так, надо будет поинтересоваться, сколько раз он уже смерти избежал.

Вспомнит свою любовь — тоже непонятно. Кто должен вспомнить? Тоже император? Или это всё-таки не про него?!

Про проклятую до своего рождения, которая должна уйти в Тень, тоже как-то мутно. Тем более, что жители Эрамира верили в Дариду, местную богиню смерти, которая забирала умерших отнюдь не в Тень, а отправляла на перерождение. Почему в пророчестве говорится именно о Тени — непонятно. Если только... Нет, не может быть.

Но если всё предыдущее можно было хоть как-то проанализировать, то конец пророчества... Как понять — проснётся тот, кто видит сон? Я кого-то должна разбудить? И будет позволено им вернуться к началу — кому «им»? Это точно про меня пророчество?!

— Ничего не понимаю, — я замотала головой, почти ощущая, как внутри бурлит мыслительный процесс.

— Второе пророчество действительно до сих пор не расшифровано, — кивнул Робиар. — Но меня больше интересует первое.

И тут я резко выдохнула... потому что до меня вдруг дошло...

Силой этой можно будет изменять всё, стоит только пожелать.

Я даже не заметила, что произнесла эту фразу вслух.

— Даже не надейся, что ты сможешь что-то изменить в сложившейся ситуации и сбежать от меня, — усмехнулся эльф. — Демиурги не могут использовать силу, находясь в созданном мире, иначе...

— КТО?! ДЕМИУРГИ?!

Несколько секунд Робиар смотрел в мои вытаращенные глаза, а потом расхохотался. Смахнул выступившие слёзы и, хмыкнув, сказал:

— Неужели ты ещё не догадалась, Линн? Да, ты — демиург. Тебе должно быть это известно лучше меня. Разве не ты создала наш мир?

Я кивнула.

— Ну вот.

— Так что же... Я — бог, что ли? — оторопело пробормотала я. Повелитель тёмных эльфов закатил глаза.

— Нет, конечно. Неужели ты не знаешь разницу между демиургом и богом? Демиург — тот, кто создаёт миры. Природу мира, существ, населяющих его. И, создав мир, демиург его покидает. Более того, вообще-то тем, кто создаёт миры, нельзя находиться в них, это против законов мироздания. Ты, будучи в каком-то другом мире, придумала наш, и он ожил. Стал жить собственной жизнью. Почему ты попала сюда, я не знаю, но если ты попытаешься использовать силу здесь, то очень быстро сойдёшь с ума. Мир воспринимает своего демиурга как нечто враждебное и, почувствовав

его, начнёт всеми силами уничтожать. А бог... Это уже совершенно другая история. И бог смертным быть не может, в отличие от демиурга.

— Я всё равно не понимаю, — я помотала головой, — зачем я тебе понадобилась?!

— Как зачем?! — изумился эльф. — Я хочу забрать твою силу!

Я посмотрела на него как на идиота.

— Так ты же не сможешь её использовать. Сам же сказал — демиургам...

— Вот тут и начинается самое интересное. — Робиар самодовольно улыбнулся. — Если я отберу у тебя силу, ты перестанешь существовать как демиург, а я просто стану очень могущественным магом, которому даже Аравейн в подмётки годиться не будет. Это называется «трансформация энергии», я бился над этой загадкой всю жизнь.

— И как ты будешь отбирать у меня силу?

— Ты сама отдашь её мне, Линн.

Я изумлённо захлопала глазами.

— Ты забыла, что сказано в пророчестве? *И разделит владелица этой силы её со своей любовью.* Вот я и стану твоей любовью.

Я не выдержала и расхохоталась.

— Ну ты даёшь, Повелитель! Такой глупости я ещё не слышала...

— Почему же глупости? — Робиар хитро прищурился. —

Я всё продумал. Сейчас на тебя не действует никакая магия, поскольку ты — демиург, ты не принадлежишь этому миру. Он отвергает тебя. Пока неосознанно, конечно...

Так вот почему Браш, попытавшись меня прощупать, ничего не почувствовал!

Но... тогда почему с этой задачей справился Рим? Почему моё тело губкой впитало его магию, позволило ему нырнуть в себя, коснуться души?

— Но ведь кровь у тебя есть, Линн, — между тем продолжал Робиар. — А мы, тёмные эльфы, владеем древней магией крови. Поэтому совсем скоро ты полюбишь меня, дорогая. И сама отдашь силу, как я и сказал.

Я чертыхнулась. Да, всё логично... Я знала, что такое возможно. Но! Сердцу ведь не прикажешь.

И тут Повелитель, скользя ко мне змеёй, вытащил кинжал и, схватив меня за руку, полоснул им по ладони. Я не успела даже пискнуть, как он уже подставил под тонкую струйку крови небольшой пузырёк и, наполнив его, убрал в карман.

— Этого вполне достаточно, — сказал эльф, прижимая к ране платок. Больно не было совсем. — Так что скоро твоя сила станет моей...

— Зачем она тебе? — выпалила я, отнимая у Робиара руку. — Что ты собираешься делать?

Я едва не вскрикнула, подавив в себе желание вскочить с дивана и убежать подальше. Потому что лицо Повелителя

вспыхнуло обжигающей, всепоглощающей ненавистью, презрением, злобой...

— Мне надоело, что нами, великой расой тёмных эльфов, правит какой-то человечиска. Войну с Эдигором развязать я не могу, иначе проклятие Интамара падёт на нас, а вот воспользоваться твоей силой... Я ведь смогу изменять мир по собственному желанию, Линн, только не так радикально, как можешь ты. И я уничтожу Эдигора без всякой войны.

Глаза Робиара заволокло мечтательной дымкой. Я вздохнула. Такому палец в рот не клади. Если бы я знала, что делать, чтобы ему не досталась моя сила! Правитель, подобный Робиару — наказание для всех.

Между тем эльф встал, насмешливо мне поклонился и сказал:

— Я оставляю вас, моя госпожа. Отдыхайте, набирайтесь сил. Завтра всё закончится, это я вам обещаю.

— Ты меня, естественно, убьёшь, как только получишь то, чего хочешь? — я не спрашивала, а утверждала.

— Без сомнения, — кивнул Робиар и вышел из комнаты. Я проводила его задумчивым взглядом, вдруг осознав одну простую вещь: тот Повелитель, которого я когда-то описывала в своей книге, никогда не был идиотом, и ни за что не стал бы выкладывать передо мной все карты. Так зачем Робиар сделал это? Зачем рассказал мне всё про пророчества и про собственные планы?

Только сейчас я вдруг вспомнила, что Гром до сих пор

стоит возле двери, молчаливый и какой-то настороженный, хмурый, даже печальный. Эльф наклонил голову, уставившись в пол, и его глаз я не видела.

Несколько секунд я изучала фигуру Грома — в чёрном плаще, с чёрными волосами и бледной кожей, он казался каким-то жутким привидением.

И тут эльф поднял голову, и от изумления я не совсем эстетично раскрыла рот.

Потому что в глазах Грома я увидела не что иное, как ощущение...

За пределами повествования

... Если вообразить себе мага как сосуд, наполненный жидкостью, то становится понятно, что жидкость эта может быть молоком, водой, вином или даже кровью. Так и каждый маг, будто сосуд, может наполнять себя силой из различных Источников. Какой именно Источник выберет маг, обычно определяется ещё в момент рождения, потому что каждая раса предпочитает свой Источник. Немногие маги способны экспериментировать с ними и брать силу из разных Источников. Один из самых известных подобных магов — Аравейн Светлый, прозванный так за своё родство со светлыми эльфами.

Пространство вокруг нас наполнено силой так же, как море наполнено водой, только обычные люди, в отличие от

магов, не видят этого. Сила в каждой травинке, в каждом камне, в глотке воздуха, в горсти земли, в капле крови... Рождаясь, маг выбирает свой Источник, из которого берёт силу на протяжении жизни, приспосабливается к определённой магии, изучает её.

Очень редко случается так, что у кого-то из представителей одной из рас рождается ребёнок, связанный родственными узами с другим Источником. Новорождённые тёмные эльфы, связанные со Светом, рождаются с серебряными волосами, а новорождённые светлые эльфы, связанные с Тьмой и магией Крови, рождаются рыжими. Природе их магии пока изучить не удалось, так как таких детей эльфы сразу убивают.

«Магия. Теоретические основы», том первый, императорская библиотека

Сколько времени Эдигор просидел у постели умирающего Люка, будущий император не знал. Он слышал шаги за дверью, чьи-то голоса, тихие и громкие, шум дождя за окном, звон бьющейся посуды, запах жарящегося мяса с кухни, а ещё — тяжёлое дыхание друга.

И в голове у принца не было ни одной внятной мысли. Пожалуй, впервые в жизни.

Очнулся он от этого странного полусна, когда в комнату зашёл Аравейн.

— Ваше высочество, — негромко сказал маг.

Эдигор обернулся.

— Я допросил служанку. Накануне девочка была в городе, кто-то дал ей коробок с порошком из болотной голубики и наложил заклятье, чтобы она добавила его в чай, когда будет нести чайник вам с Люком. Девочка ничего не помнит. По остаткам чар я могу судить только о том, что человек, наложивший заклятье, был мужчиной. След очень слабый, но это совершенно точно был мирнарийский маг.

Будущий император кивнул и встал с постели.

— Хорошо. Спасибо, Аравейн.

— За что, ваше высочество? Я ведь ничего не...

— Всё равно спасибо. Только благодаря вам у меня эти пять лет был Люк. А сейчас я пойду к себе. Пожалуйста, позовите меня, если ему станет хуже.

Аравейн кивнул и проводил маленькую фигурку наследного принца очень грустным, сочувственным взглядом.

Эдигор не знал, зачем пошёл в свои покои. Он просто понял, что больше не может сидеть там, в этой тёмной комнате, прислушиваясь к тяжёлому дыханию Люка, каждую секунду ожидая, что жизнь его друга вот-вот оборвётся.

Нужно было отвлечься. И будущий император сделал то, что обычно делал всегда, когда хотел упорядочить мысли и успокоиться. Он сел за стол, достал бумагу и карандаш, и начал рисовать.

По странному стечению обстоятельств, это был первый раз, когда Эдигор рисовал не с натуры. Его учитель рисова-

ния до сих пор не позволял такую роскошь наследному принцу. Портреты, пейзажи, натюрморты — да, но не собственные фантазии. И мальчик, прикрыв глаза, рисовал... Рисовал кровать, одеяло, подушку, высокую фигуру Аравейна со сверкающими удивлением глазами... А на постели — улыбающегося, совершенно здорового Люка с румянцем во всю щёку.

С минуту Эдигор смотрел на то, что у него получилось. А потом, вздохнув, отложил листок в сторону и, взяв второй, снова принялся рисовать.

Опять постель, только теперь на ней — счастливая императрица Мариника с ребёнком на руках. И, поддавшись внезапному порыву, в углу наброска появилось лицо девочки. Тонкие черты, прямые волосы — Эдигор точно знал, что они должны быть светлыми — изящный, чуть вздёрнутый носик, пухлые губы, радостная улыбка. И принц тоже улыбался, глядя на нарисованную девочку. А потом вдруг сказал:

— Привет, Лу!

Почему он так сказал, Эдигор не мог объяснить ни до, ни после. Да и что толку от объяснений? Ведь всё уже решилось. Только в тот момент мальчик не знал об этом.

От рисования принца отвлёк стук в дверь. Эдигор подпрыгнул на стуле... и почему-то подумал: а что со служанкой? Он ведь не спросил у Аравейна, что сделают с этой девочкой. А то, что император захочет наказать несчастную, у

Эдигора сомнений не вызывало.

Мальчик выскочил из комнаты, пробежал мимо изумлённых стражников, которые что-то кричали ему вслед (кажется, что-то вроде: «Вас хочет видеть его величество!») и помчался вниз, в подвалы замка.

Эдигор не ошибся в своих предположениях. Дверь пыточной была широко распахнута. И там, посреди заставленной страшными приспособлениями комнаты, лицом вниз была привязана знакомая служанка. Платье расстёгнуто и приспущено, обнажая спину пока безо всяких следов наказания. Как хорошо! Он успел!

Императорский палач обнаружился в углу пыточной. Он старательно перебирал имевшиеся в наличии кнуты, явно стараясь выбрать тот, который бы нанёс минимальный ущерб спине несчастной девочки. К сожалению, все кнуты выглядели не слишком обнадеживающе, от чего служанка тихонько всхлипывала.

— Господин Крунгель! — сказал Эдигор, спокойно и steadily подходя к палачу. Принц немного знал его — Крунгель был разумным человеком, а у мальчика имелось то, что могло заинтересовать императорского палача.

— Да, ваше высочество? — мужчина обернулся, недоумевая: что могло понадобиться наследному принцу в пыточной?!

— У меня к вам деловое предложение, господин Крунгель, — улыбнулся Эдигор. — Я слышал, у вашей дочери

скоро свадьба?

— Так точно, ваше высочество, — кивнул палач.

— Это прекрасно, поздравьте её от моего имени. И давайте договоримся. Я предоставляю вам бутылку коллекционного вина из подвалов императора, а вы с этой минуты считаете, что уже исполнили его приказ и наказали эту служанку, — Эдигор кивнул на связанную девочку.

От удивления у Крунгеля глаза полезли на лоб. Вино из подвалов императора! Он даже не мечтал, что когда-нибудь попробует подобное.

— Две бутылки, — вырвалось у палача. И если бы он был более внимателен, то заметил бы, что уголки губ принца чуть дрогнули.

— Договорились, — кивнул Эдигор, протягивая Крунгелю руку. Они скрепили соглашение рукопожатием. — Сегодня же вечером я пришлю к вам слугу. Он — или она — принесёт вино.

Будущий император давно нашёл вход в подвалы. Они с Люком иногда таскали оттуда сыр или сладости, когда им очень хотелось есть. Вина там было так много, что никто даже не заметит исчезновение пары бутылок. А даже если заметит, вряд ли заподозрит в краже принца.

Крунгель обернулся к служанке и, хмыкнув, сказал:

— Что ж, ваше высочество, я наказал дерзкую девчонку по приказу императора. Вы желаете с ней пообщаться теперь без моего участия?

— Желаю, — кивнул Эдигор. Палач попрощался и вышел из пыточной, про себя ликуя — императорское вино, несомненно, придётся по вкусу дочке и её жениху. Главное, чтобы о сделке никто из гостей не узнал. С них станется обвинить Крунгеля в воровстве.

Как только мужчина вышел, Эдигор подошёл к служанке, развязал верёвки, помог ей встать и застегнуть платье — дрожащие руки не слушались девочку.

— Как тебя зовут? — спросил принц дружелюбно. Она впервые подняла на него испуганные голубые глаза. На вид служанка была старше Эдигора года на три, но при этом они оказались одного роста.

— Мика, — прошептала девочка. Её можно было назвать хорошенькой — голубые ясные глаза, светло-русые кудряшки, правильные черты лица, чистая белая кожа. Несомненно, когда-нибудь Мика превратится в настоящую красавицу.

Сейчас служанка смотрела на Эдигора со страхом, смешанным с удивлением. Девочка никогда не думала, что наследные принцы могут быть такими. Без малейшего высокомерия во взгляде. Наоборот — Эдигор смотрел на неё очень ласково, и его тёмно-карие, почти чёрные глаза, утягивали в свою глубину с головокружительной скоростью. На губах играла лёгкая улыбка, и Мику постепенно отпускал страх. Девочка поняла — принц не сердится на неё!

— Ты недавно во дворце? — спросил Эдигор. — Я тебя ни разу не видел. А я всех слуг в лицо знаю.

— Да, ваше высочество, я здесь всего неделю, — ответила Мика так же тихо, как и раньше. — Меня господин Матиас взял из приюта для девочек.

Принц нахмурился.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать, ваше высочество.

— И где же он заставлял тебя работать? — Эдигор нахмурился сильнее. — Что ты делала тут, во дворце?

Мика немного покраснела.

— Мыла полы, посуду, убиралась в комнатах у господина Матиаса... Всего понемногу, ваше высочество.

— А где ты жила? — спросил будущий император, чувствуя, что начинает закипать. Мало того, что девочку незаконно забрали из приюта — ведь главный дворцовый управляющий не был женат, а по закону отдать несовершеннолетнего ребёнка могли только семейной паре — так ещё и заставляли работать, хотя специальным императорским постановлением ещё сто лет назад было запрещено брать на работу в замок слуг младше шестнадцати лет. Да, у слуг могли быть дети, на их содержание выделялись средства, но никто и не думал заставлять их мыть полы.

Следующие слова Мики полностью разрушили самообладание Эдигора.

— В покоях господина Матиаса... — прошептала девочка и тут же опустила голову, заметив, как вспыхнули гневом глаза наследного принца.

— Ты только жила там, Мика? — тихо, из последних сил стараясь сдержать рвущуюся наружу ярость, спросил Эдигор. — Или ты делала что-то ещё? Скажи мне, не бойся. Господин Матиас заставлял тебя делать что-нибудь, что было тебе неприятно? Он бил тебя? Или...

Мальчик догадался обо всём ещё до того, как Мика ответила. Догадался, когда увидел её ярко вспыхнувшие щёки, заметававшиеся в ужасе и отчаянии глаза.

— Да, ваше высочество. Но господин Матиас говорил, что я не должна рассказывать об этом никому, иначе он сделает так, чтобы мне было очень больно. А мне и так...

Девочка запнулась.

— Он насиловал тебя?

Мика просто кивнула. Она изо всех старалась не заплакать, но перед глазами вставали страшные картины случившегося с ней за эту неделю, что она провела в императорском дворце, и служанка, бесславно всхлипнув, наконец зарыдала.

В следующую секунду девочка почувствовала, что наследный принц осторожно обнимает её, и в ужасе отшатнулась.

— Не бойся, — спокойно сказал Эдигор, — я не сделаю ничего плохого. Наоборот, я хочу тебе помочь. Скажи, ты согласна стать моей личной служанкой? Просто служанкой. Я не буду делать того же, что Матиас. Мне нужна девушка, чтобы убираться в комнате, помогать надевать эти ужасные праздничные костюмы — у меня пальцы заплетаются, когда

я их застёгиваю — ну и так, по мелочи. Ты согласна?

Согласна ли она? Мика от радости даже дышать боялась.
— Да, ваше высочество.

Эдигор, улыбнувшись, снял с руки кольцо и надел его Мике на палец. Девочка хорошо знала, что это — знак императорского дома, а конкретно — наследного принца. Такое кольцо она видела на руке Люка Кросса и его матери, а ещё, как ни странно, Аравейна. Мика знала, что, принимая этот дар, она обязуется служить Эдигору до тех пор, пока он сам её не отпустит. Раньше девочка считала подобное рабством... Но не теперь, когда она стояла рядом с принцем и тот держал её за руку так, будто перед ним была не обыкновенная безродная служанка, а благородная дама.

— Я тебе обещаю, — вдруг сказал Эдигор, — что обязательно разберусь с Матиасом. Не пройдёт и недели, как его больше не будет во дворце. И никто больше не посмеет обижать тебя, Мика. Кольцо на твоей руке — знак императорской власти, никогда его не снимай, и все вокруг будут знать, что ты под моей защитой.

— Спасибо, ваше высочество, — тихо сказала Мика, и Эдигор, взяв девочку за руку, вместе с ней вышел из пыточной.

Как только они поднялись выше и попали в холл первого этажа, где сновали стражники, наследного принца окликнули и попросили явиться в тронный зал. Как оказалось, его уже с час ищет император.

— Ты пойдёшь со мной, — тоном, не допускающим возражений, сказал Эдигор и потащил Мику к тронному залу. Девочке было немного страшно — она ещё ни разу не видела императора и совершенно не знала, как себя нужно вести, находясь рядом с ним. Падать на колени сразу? Или нет?

И принц будто слышал её мысли — он прошептал Мике на ухо:

— Делай, как я. И молчи.

Тронный зал был огромен. Высокие потолки, поддерживаемые колоннами из розово-зелёного мрамора, сверкающий чистотой пол, на стенах — различные картины и портреты предыдущих императоров. У Эдигора этот зал был самым нелюбимым местом во дворце.

Рассмотрев в конце два трона и сидящих на них императора с императрицей, служанка опустила глаза, от чего сразу чуть не грохнулась носом вниз. Спасло Мику только то, что принц крепко держал девочку за руку.

— Ваши величества, — сказал Эдигор, останавливаясь за пару шагов до императорской четы. Он слегка поклонился, и Мика повторила за ним. Только вот голову поднимать девочка так и не решилась, а просто бросала короткие взгляды исподлобья.

Посмотреть было на что. Инкрустированные драгоценными камнями троны выглядели так, что у служанки, не видевшей в жизни ничего шикарнее ситца, перехватило дыхание. А какое ожерелье на шее у императрицы! А платье... Крас-

но-золотое, с вышивкой. Да и сама Мариника не зря именовалась Прекрасной — она действительно была очень красивой. Тёмные, чуть выующиеся волосы, карие глаза, похожие на глаза Эдигора.

А вот император Мике совсем не понравился. Он был похож на большую хищную птицу. Слишком длинный нос особенно усиливал это сходство. Император был слегка небрит и казался невыспавшимся. И на своего сына он был абсолютно не похож.

Слева от кресла, в котором сидел его величество Эдигор Первый, стоял тёмный эльф. Мика сразу поняла, что это именно эльф — из-под прямых чёрных волос торчали острые кончики ушей. Чёрные глаза эльфа с легким презрением оглядывали их с наследным принцем, тонкие губы недовольно сжимались.

— Здравствуй, Эдигор, — поприветствовал кивком головы сына император. — Что за девочка рядом с тобой? Объяснись.

— Это Мика, моя личная служанка, — спокойно сказал принц. Император удивлённо поднял брови. Когда месяц назад он разговаривал с сыном, то пояснил, что со временем тот сможет выбрать из числа слуг парочку личных служанок для себя, но император не предполагал, что тот настолько быстро последует его совету. Мальчик, конечно, растёт, но всё-таки десять лет — недостаточный возраст для того, чтобы начинать спать с женщинами. Хотя в данном случае речь

шла явно о девочке — служанка была ненамного старше самого Эдигора.

— Сын, — вздохнул его величество, — а не слишком ли ты молод?

Тёмные глаза принца на миг как-то зловеще вспыхнули.

— Мне нужна всего лишь служанка, отец. Не более того, — голос Эдигора был так холоден, что Мика едва удержала в себе желание поёжиться. — И я хотел бы переговорить с вами по одному вопросу. Это касается господина Матиаса.

— Я слушаю тебя, Эдигор, — кивнул император.

— Я считаю, что господин Матиас недостоин быть главным дворцовым управляющим, ваше величество. Он привёл в замок тринадцатилетнюю девочку, хотя не имеет права брать на работу тех, кому не исполнилось шестнадцати лет. Кроме этого, господин Матиас насиловал её.

Щёки императрицы Мариники побагровели от гнева. Если привлечение несовершеннолетней на работу императорская чета могла бы простить, то насилие — никогда.

— У тебя есть доказательства, сын? — строго спросил его величество. Мика в страхе сжалась. Ведь принц поверил ей просто на слово, но подтвердить факт насилия девочка никак не могла. Кому поверят — ей или уважаемому господину Матиасу?

— Главное доказательство перед вами, — спокойно сказал Эдигор. — Аравейну достаточно провести один ритуал, чтобы сказать точно, насиловали ли Мику и кто именно это

делал.

— Хорошо, — кивнул император, — так и поступим. Но после того как... Аравейн освободится. Это дело может и подождать. Девочку, как я понимаю, ты хочешь оставить при себе, Эдигор?

— Да, ваше величество.

— Дозволяю. А теперь, если у тебя больше нет новостей для нас, предлагаю приступить к вопросу, из-за которого мы с императрицей хотели тебя видеть. Эдигор, познакомься с сиятельным Громдрейком. Он прибыл сегодня из земель тёмных эльфов и будет учить тебя воинскому делу по личной просьбе Аравейна. Сиятельный Громдрейк — лучший мечник империи.

— Очень рад нашему знакомству, сиятельный Громдрейк, — с непроницаемым лицом произнёс принц фразу, полагающуюся по этикету. — Если вы не возражаете, я хотел бы приступить к первой тренировке прямо сейчас.

Эльф тщетно пытался скрыть удивление, мелькнувшее в его глазах. Он слегка поклонился, сказав:

— Я к вашим услугам, принц.

Эдигор, коротко кивнув, повернулся к Мике.

— Иди в покои Аравейна, — сказал он девочке. — Выполняй все его распоряжения. Скажи, что ты с этого дня моя личная служанка. Я зайду за тобой после тренировки.

— Да, ваше высочество, — Мика немного неуклюже присела и, развернувшись, почти выбежала из тронного зала.

Эдигор же в компании с эльфом направился на площадку для тренировок под открытым небом.

— Вы будете сражаться тем мечом, что висит у вас на поясе? — уточнил принц, пока они шагали по направлению к выходу из замка.

— Нет, ваше высочество. Я возьму один из тренировочных мечей.

— Хорошо. Вы можете не поддаваться мне сегодня. Я хочу понять, чего вы стоите, сиятельный Громдрейк.

Эльф недовольно поджал губы, но Эдигор не заметил этого жеста. Он старался отвлечься от мыслей о Люке, поэтому заранее стал продумывать, какое оружие и тактику ведения боя выберет.

Громдрейк же был крайне недоволен. Мало того, что Повелитель не смог отказать Аравейну и ему пришлось отправиться в императорский дворец, чтобы учить воинскому делу человеческого мальчишку, пусть и наследного принца, так ещё и этот Эдигор ведёт себя не лучше темноэльфийских принцев. Личная служанка в десять лет! Что бы ни говорил этот мальчик, а Громдрейк не верил, что она ему только чай будет носить и убираться, небось, ещё и постельной грелкой послужит. От такого извращения эльфа передёргивало.

Да и эти слова: «Я хочу понять, чего вы стоите», выводили Громдрейка из себя. Как бы не зарубить ненароком этого заносчивого принца.

Между тем они пришли на тренировочную площадку, и

Эдигор, наведавшись в стоящее неподалеку небольшое здание — видимо, оружейную, — вернулся уже с мечом.

Казалось бы, вид десятилетнего мальчишки с мечом должен был рассмешить эльфа. Однако смешно Громдрейку не было. Все его инстинкты почему-то вопили о том, что перед ним — опаснейший противник. Да и выражение глаз Эдигора было таким, каким оно у детей не бывает. Громдрейк в ту секунду был готов поклясться, что принцу намного больше, чем десять лет.

Противники поклонились друг другу. А затем Эдигор атаковал. Мальчишка молнией скользнул вперёд, и эльф еле успел выставить блок.

«Кто его этому научил? — изумлённо подумал Громдрейк. — Если бы я не был таким хорошим воином, то пал бы после первого же удара».

Через пару минут эльфу стало ясно — Эдигор намного сильнее и быстрее обычного десятилетнего мальчишки. Человеческого мальчишки, разумеется. Но всё-таки — до Громдрейка не дотягивал. Однако лет через восемь из принца получится отличный воин, и равных ему в империи не будет.

Больше всего эльфа поражало самообладание и хладнокровие принца. Он легко держал себя в руках, просчитывал дальнейшие действия противника, и даже когда Громдрейку удалось его задеть, нисколько не испугался. Остановился и спокойно сказал:

— Достаточно, сиятельный Громдрейк. Вы прекрасно владеете оружием. Я почти за честь учиться у вас.

И тут Эдигор сделал то, от чего у эльфа чуть не выпал из рук меч. Он поклонился ему! Причём поклон был глубоким и очень уважительным, а серьёзность глаз принца отметала всякую возможность того, что он шутит.

Громдрейк тренировал сыновей Повелителя Робиара, но ни разу за все годы они ему даже не кивнули.

Возможно, именно поэтому он сделал то, что сделал.

— Гром, ваше высочество, — сказал он, глядя Эдигору в глаза. Назваться человеку коротким, «домашним» именем, значило признать его равным. — Зовите меня просто Громом.

Ответить принц не успел, потому что со стороны замка метнулась маленькая фигурка в платье служанки, размахивая руками и что-то громко крича.

Это была Мика. И, добежав наконец до тренировочной площадки, девочка выдохнула:

— Ваше высочество... Господин Люк... он...

— Что?! — мгновенно взревел Эдигор.

— Он пришёл в себя!!

Принц вытаращился на Мику, как на привидение.

— Но этого не может быть!

— Я знаю! И господин Аравейн тоже так сказал! Но тем не менее... он пришёл в себя, ваше высочество!

... Никогда в жизни Громдрейк не видел ничего подобно-

го. И раньше он считал, что такого просто не бывает — чтобы наследные принцы бросали меч, как ненужную игрушку, прямо на траву, а затем хватали простую служанку за руку и мчались в замок со всех ног. Да так, что у этой самой служанки чепец съехал на бок и повис на одном ухе, из-за чего её золотые волосы развевались и сверкали на солнце, подобно имперскому флагу.

Подобрав брошенный Эдигором меч, Громдрейк вдруг поймал себя на том, что улыбается. Кажется, служба у человеческого императора будет совсем не такой, какой он себе её представлял.

Глава пятая, в которой я учусь летать

— *Вы утверждаете, что человек может поднять себя за волосы?*

— *Обязательно! Мыслящий человек обязан время от времени это делать.*

«Тот самый Мюнхгаузен»

Несколько минут мы с Громом смотрели друг на друга, ничего не говоря. Вошла служанка с ужином, состоящим из каких-то запечённых овощей, фруктового сока и сладостей, поставила всё на стол, пожелала приятного аппетита и вышла из комнаты. А я всё смотрела на Грома, не понимая — почему его отношение ко мне переменилось? Ведь во взгляде того эльфа, который назвал меня человеческой шлюхой, не должно было быть никакого сочувствия.

А потом он подошёл и сел в кресло напротив.

— Извини, — сказал Гром. — Повелитель приказал мне попробовать вывести тебя из себя, как-то разозлить. Я вёл себя неподобающим образом, прошу прощения.

— А... зачем было меня злить? — нахмурилась я.

Гром грустно усмехнулся.

— Я понял это только сейчас. Если бы мне удалось по-

настоящему разозлить тебя, а потом Повелитель рассказал бы о пророчествах Альгиуса... Как думаешь, удержалась бы ты от искушения попробовать свою силу?

— Вряд ли.

— Вот именно. И наш мир, признав в тебе демиурга, немедленно свёл бы тебя с ума. А со спятившим человеком проводить тот ритуал, что задумал Робиар, гораздо проще и больше шансов на успех.

— Слушай, Гром... А что это за ритуал? Он ведь так и не рассказал.

Я вздохнула. Вроде я сама придумывала этот мир, однако же о подобном ритуале не имею ни малейшего представления. Как-то странно получается — о чём-то я хорошо знаю, о чём-то нет. Интересно, у всех демиургов так, или я просто двоечница?

— Стал бы он тебе про него рассказывать, как же. Это запрещённый ритуал. Сначала Повелитель воздействует на твою кровь, чтобы вызвать у тебя определённые чувства к собственной персоне, а затем... В общем, чтобы отнять силу у любящей женщины, нужно всего лишь на рассвете изнасиловать её в центре пентаграммы. Только перед этим совершить жертвоприношение, чтобы заручиться поддержкой демонов Тьмы.

Меня передёрнуло. Робиар всё-таки извращенец! Ради какой-то непонятной силы он собирается, я извиняюсь, поиметь человеческую девушку, да ещё и замочить кого-то!

— Жуть какая! И кто будет жертвой?

— Думаю, кто-то из слуг, — пожал плечами Гром, — Робиару всё равно, кого из них убивать. Он бы хотел заполнить для этой цели Эмиландил, но захватить принцессу у нас не получилось.

— И хорошо, — нахмурилась я. Гром улыбнулся.

— Но я не понимаю... — продолжила я, немного помолчав. — Почему, или зачем, ты всё это мне рассказываешь? По какой-то причине твоё мнение изменилось после рассказа Робиара, так?

— Всё просто, — вздохнул Гром, и в его глазах промелькнуло какое-то непонятное выражение. А затем он протянул руку к цепочке, что висела у него на шее, и снял её. И, внимательно следя за выражением моего лица, эльф положил цепочку с каким-то странным кулоном на стол прямо передо мной.

Приглядевшись, я поняла, что это вовсе не кулон, а кольцо. Перстень-печатка с изображением льва и розы — знак императорского дома Эрамира.

— Но... что это значит? — выдохнула я, с жадностью исследователя рассматривая перстень. Имперский флаг мог быть двух видов — белый, с золотым львом и красной розой под ногами у льва (роза символизировала войну и кровь, а лев — мир и свободу); или золотой с алой полоской по низу. Первый использовался в официальных мероприятиях, а второй — на поле боя.

— Я восемь лет провёл при дворе императора Эдигора Второго, правда, тогда он был ещё принцем. Я был его наставником, учил стрелять из лука, драться на мечах, метать ножи и кинжалы. Сам Аравейн попросил Повелителя выделить принцу воина для обучения наследника, и Робиар отправил меня в Лианор. По контракту я должен был служить Эдигору до того дня, когда он станет императором.

Я с изумлением следила за изменившимся лицом Грома — сейчас передо мной сидел эльф, который вспоминал о чём-то хорошем, о чём-то таком, что давало ему силы и поддерживало в трудную минуту.

— Поначалу, до приезда в столицу, я почти ненавидел этого мальчишку. Я думал, что Эдигор такой же, как Виан с Тимиреем, но вскоре понял, что ошибался. Те восемь лет стали лучшими в моей более чем столетней жизни. Это кольцо, Линн, — Гром поднял перстень кончиками пальцев к моим глазам, — не просто знак императорского дома. Подобные кольца Эдигор давал всем, кому доверял. Он предложил мне его в день своего четырнадцатилетия. На свой страх и риск предложил, потому что для эльфа служить человеку — это позор.

— И ты принял его? — выдохнула я изумлённо.

— Линн, — эльф улыбнулся, — до того дня я четыре года общался с Эдигором каждый день, и его высочество всячески показывал, насколько он уважает меня и моё мастерство воина. Ты не представляешь, как это важно для того, кто всю

жизнь от подобных властителей не ждал ничего, кроме многочисленных претензий и требований. И когда Эдигор предложил мне кольцо, я взял его, этим поклявшись служить его высочеству до своей смерти или пока он сам не отпустит меня.

Кажется, пазл сложился.

— Робиар не знает об этом?

— Не знает. Стал бы он оставлять меня при вашем разговоре, если бы знал, что я намного больше предан Эдигору, чем ему? И разве стал бы я ловить тебя в лесу, если бы знал, что ты нужна Робиару для того, чтобы уничтожить императора?

— погоди, — я нахмурилась, — ты сказал, что служил при дворе до того дня, как Эдигор взошёл на престол! Но ведь это...

— Я покинул Лианор двенадцать лет назад, Линн, — кивнул Гром. — Что тебя так удивляет?

— Получается, что ты уже двенадцать лет не видел императора? — уточнила я.

Эльф усмехнулся.

— С чего ты взяла?

— Но как же...

— Повелитель допустил ошибку. — Гром по-прежнему ухмылялся, но глаза его были серьёзными. — Он посчитал, что я ненавижу людей так же, как он сам. Робиар всегда думал, что эти восемь лет при дворе императора сделали из ме-

ня прожженного человеконенавистника, и я никогда не пытался разубедить его. И, как видишь, это его заблуждение сыграло нам на руку. А насчёт твоего вопроса... Я вижу Эдигора раз в несколько дней, ведь это кольцо на самом деле — двусторонний амулет перемещений.

Я задохнулась от восхищения. Неужели?..

— Не спеши радоваться, Аравейн сделал его только для меня. Никто другой не сможет им воспользоваться. В Эйме есть три места, откуда и куда я могу перемещаться, в императорском замке же только одно. Это покои моей жены.

— Чего?! — от удивления я даже дышать забыла. Гром женат на человеческой девушке?! Обалдеть можно! Заключать такие браки эльфам, конечно, никто не запрещал, но они негласно порицались всем эльфийским обществом, это не касалось только Повелителя — по политическим причинам. Да и странно ведь — человеческий век недолог, а эльф может жить чертову уйму лет, особенно древним уже перевалило за тысячу.

— Ты всё правильно поняла, Линн. Двенадцать лет назад я попросил у Эдигора руки той, которая тоже носила его кольцо. Любой другой правитель выразил бы хоть малейшее сомнение в том, что эльф может быть счастлив с человеком, а император... в ту ночь Эдигор как раз стал императором... в общем, он ни капли не сомневался в принятом решении и позволил нам пожениться. Я вынужден был уехать из дворца, так как мой контракт закончился, но Аравейн сделал мне по

просьбе Эдигора двусторонний амулет перемещений, чтобы я мог навещать жену в любое время.

Гром надел цепочку с перстнем обратно на шею. Я проводила скрывшееся с глаз кольцо завистливым взглядом.

— А теперь нам надо придумать, как тебе бежать из Эйма. Я удивлённо посмотрела на эльфа.

— Думаешь, это возможно?

— Безусловно.

— А тебя не прибудут, если узнают, что ты помог мне бежать?

— Во-первых, ты ещё не сбежала. А во-вторых, я думаю, пора мне окончательно перейти в отступники и попросить у его величества политического убежища.

Я закусила губу. Отступниками называли эльфов, отрёкшихся от своего народа по разным причинам. Милли тоже отступница, хоть она и не произносила официально клятву отречения. Любопытно было бы когда-нибудь взглянуть на этого императора. И на жену Грома заодно. Что же за девица такая эльфа приворожила?

— Так что после твоего побега я перемещусь в императорский дворец и поставлю Аравейна в известность обо всём, что здесь творилось. Хотя мне почему-то кажется, что этот старый жук уже всё знает, просто пока не вмешивается.

— А пора бы, — буркнула я недовольно, — а то меня скоро в капусту порубят, лишитесь вы демиурга.

— Ладно, — вздохнул Гром, откидываясь на спинку крес-

ла, — давай-ка чуть-чуть помолчим, мне нужно подумать, как тебе лучше покинуть Эйм, чтобы сразу не поймали.

Я благоразумно заткнулась и, встав, решила полазить по шкафу в поисках нижнего белья. А то перед приходом Робиара я непредусмотрительно влезла в платье, проигнорировав отсутствие лифчика и хоть какого-то подобия трусов, и теперь чувствовала себя странно. И если без верхней части нижнего белья я переживу, то вот расхаживать без нижней было как-то не удобно. И холодно.

Минут через пять я нашла в одном из ящиков глубокого, как озеро Байкал, шкафа, нечто, напоминающее панталоны, и решила натянуть их, так как рыться дальше в этом бездонном гардеробе было выше моих сил.

— Я на балкон, — буркнула я, открывая тяжёлую дверцу. Гром кивнул, не открывая глаз. На переносице образовалась глубокая морщинка — видимо, эльф действительно старательно придумывал, как спасти пропавшего впросак демилурга от незавидной участи.

А я, выйдя на балкон, открыла рот от восхищения.

Прозрачный, невесомый воздух наполнил лёгкие. Вокруг меня на многие километры расходился лес, на закате казавшийся розово-оранжевым, а не зелёным. Небо, в вышине нежно-голубое, к линии горизонта взрывалось яркими красками, и казалось, что где-то там, за деревьями, полыхает пожар.

Вечерняя прохлада приятно охлаждала разгорячённую от

волнения кожу, прикасаясь ласковыми, нежными пальцами к моим запястьям.

И внезапно мне стало так грустно, как не было ещё ни разу с того момента, как я попала в свой Эрамир. Там, в Москве, всё было знакомым и почти родным, а здесь... Пусть я и придумала этот мир, он пока оставался мне чужим, хоть и был красивым, как в самых лучших сказках.

Что меня ждёт? Смогу ли я выбраться, вернуться? Увижу ли своих родных?..

Я лихорадочно стирала руками горячие слёзы, боясь, что кто-то заметит их. И, задрав голову вверх, вдруг вспомнила, узнала...

Это ведь мой сон! Тот самый сон, который я видела в ночь перед тем, как погибла. Тот самый сон, который я рассказывала Игорю. Только в нём я была птицей.

И с отчаянно забившимся сердцем я заметила, что со стороны леса вдруг взлетела огромная птица. Набрала высоту и стала приближаться к замку, чёрному, как сама ночь. Закружилась надо мной, медленно снижаясь... И я наблюдала за ней со странным чувством ожидания, смешанного со страхом. А ещё почему-то мне казалось, что там, в вышине, сейчас парит не какая-то неведомая птица — там лечу я сама.

И всё внутри сжималось от предвкушения скорой встречи.

Внезапно пернатая резко устремилась вниз и камнем упала рядом со мной, в один миг став тем, кого я так ждала.

— Рым, — выдохнула я, радостно улыбнувшись.

Это действительно был он, мой орк, пыльный и грязный, пахнущий лошадиным потом, кровью и почему-то дымом.

Не говоря ни слова, Рым сделал шаг вперёд и сжал меня в железных объятиях.

Я никогда не думала, что буду так радоваться, когда меня обнимет нечто столь большое, грязное и вонючее.

— Линн, — услышала я его тихий, хриплый голос у себя над ухом.

— Как ты нашёл меня? — шепнула я.

— Я ведь говорил, что чувствую тебя. Я понял, где ты, почти сразу. Какое-то время нам понадобилось, чтобы подготовиться, а Милли с Брашем должны были восстановить магический резерв. Впрочем, это всё можно обсудить и позже, сейчас мне нужно как можно скорее вытащить тебя отсюда. — Рым осторожно поставил меня на землю. Я кивнула, вглядываясь в его тревожные каре-зелёные глаза с вертикальными зрачками. И меня вновь кольнуло странное чувство узнавания... Но я не успела его проанализировать, потому что дверь на балкон распахнулась, и на пороге возник Гром.

— Ты! — тут же зарычал Рым, и я еле успела закричать, повиснув на его руке:

— Стой! — и, испугавшись, что кто-то мог нас услышать, уже тише добавила: — Он на нашей стороне.

— Я, скорее, на стороне императора, — спокойно сказал эльф, не двигаясь. Рым по-прежнему сверлил его подозри-

тельным взглядом. — Ты можешь доверять мне, орк. Я не пойду против его величества. Я как раз хотел сказать Линн, что знаю тайный выход из Эйма, которым можно попытаться воспользоваться.

— В этом нет нужды, — покачал головой Рым. Из его глаз постепенно пропадало недоверие. — Я знаю, как выбраться отсюда, но я вряд ли смогу захватить тебя с собой, эльф.

— У него свой способ, — сказала я, а Гром облегченно вздохнул.

— Хорошо, что ты придумал что-то ещё. Этот тайный ход небезопасен, да и чтобы добраться до него, мне пришлось бы убить нескольких стражников.

— Что ты задумал, Рым? — прищурилась я. Орк довольно ухмыльнулся.

— Мы с тобой полетим, Линн.

— Какая прелесть! — восхитилась я. — На воздушных шариках, как Винни Пухи?

— Не знаю, о каких таких пухах ты говоришь. Мы полетим так же, как я прилетел сюда.

— Рым, — я вздохнула, — может, ты и умеешь обращаться в птицу, но я-то нет! И я совершенно точно знаю, что на меня не действует никакая магия. Так что твой план вряд ли сработает.

— Сработает.

Сказал это не орк, а эльф. И я с удивлением уставилась на абсолютно спокойного и невозмутимого Грома. Заметив

моё изумление, он кивнул.

— Я совершенно уверен в этом, Линн. Магия этого орка на тебя подействует.

— Что? Но... как это возможно?

— Связь, — ответил эльф, пожав плечами. Я нахмурилась. Всё чудесатее и чудесатее. И не грозит ли мне связь с Грыммом преждевременным слабоумием, как обещал Робидар? Ведь Рым — существо этого мира, который должен отвергать собственного демиурга.

Переведя взгляд на орка, я вдруг заметила, что на его лбу чем-то багровым, подозрительно напоминающим кровь, нарисована руна Превращений. Так вот, значит, как он превратился в птицу. Ведь Милли с Брашем ещё вряд ли восстановились после той битвы с эльфами.

Магия других рас, населяющих объединённые земли Эрамира, отличалась от магии светлых и тёмных эльфов, как небо отличается от земли. Орки использовали рунную магию, человеческие маги — стихийную (огонь, воду, землю и воздух), дриады брали энергию у деревьев, цветов и растений, гоблины занимались шаманством, а вот гномы и тролли начисто были лишены всякой магии. Зато первые славились умением делать оружие из любой железяки и украшение из любого камня, а вторые были очень сильны физически.

И только магия существ, подобных Рыму и Милли, не поддавалась никакой классификации. Но додумать эту мысль мне не дали — орк взял меня за руку и посмотрел в глаза.

— Ты боишься, Линн?

Я вскинулась.

— Боюсь? Нет, Рым. Я уже... почти десять лет, как ничего не боюсь. И уж тем более — превращения в птицу. Что я должна сделать, мне нужно как-то помочь тебе?

— Нет, — орк покачал головой. — Единственное... будет лучше, если ты разденешься, одежда мешает превращению, особенно если оно первое.

Я кивнула, а потом перевела встревоженный взгляд на Грома.

— Всё будет в порядке, — сказал эльф, правильно истолковав мой взгляд. — Как только вы с Рымом улетите, я активирую свой амулет и перемещусь к жене. Повелитель не сможет достать меня во дворце Эдигора.

— Думаешь, он не выдаст тебя Робиару? Ты так уверен в императоре? — спросила я тихо. Гром улыбнулся, и в его глазах я не увидела ни капли сомнения.

— Больше, чем в себе, — сказал эльф спокойно, а потом, кивнув на прощание мне и Грыму, скрылся в комнате.

— Давай, Линн, — Рым встревоженно к чему-то прислушивался. — Не стоит затягивать с превращением. У нас есть не больше двадцати минут, а потом будет поздно.

Я кивнула и стянула с себя платье, а затем и панталоны. Стало адски холодно, особенно там, пониже спины. Зябко передёрнув плечами, я спросила у Рыма, который в это время сосредоточенно что-то рисовал кинжалом у себя на за-

пастырь:

— А почему ты не раздеваешься?.. — И осеклась, когда поняла, что он ничего не рисовал, а протыкал лезвием кожу. Окунув палец в кровь, как в краску, орк принялся выводить у меня на лбу руну Превращений.

— Потому что рунная магия у меня в крови, я могу превращаться и в одежде. Ты же — человек, я надеюсь только на нашу с тобой связь, поэтому лучше избавиться от лишнего.

Следующая руна — на груди, потом на спине, обеих руках и ногах, животе... Я почему-то не капли не смущалась, хотя где-то на краю сознания билась мысль — стою тут, абсолютно голая, перед собственным персонажем. Но в действиях Рыма не было ничего двусмысленного, да и не разглядывал он моё неглиже. Хотя было бы, что разглядывать.

— Всё, — наконец, сказал орк и, встав напротив, взял меня за руки. — Пора. Будет больно, но терпи, ни в коем случае не кричи, хорошо?

— Я постараюсь, — я кивнула, внутренне напрягшись. Несколько секунд Рым смотрел мне в глаза, а затем, наклонившись, быстро поцеловал в губы, от чего я слегка обалдела. И тут же, не дав мне опомниться, тихо забормотал древние слова заклинания, активирующего руны Превращений.

Всё тело будто охватило яростным, обжигающим пламенем. Я почувствовала, как задрожали мои руки, как Рым отчаянно сжал их, не прекращая читать заклинание. Стиснула зубы, чтобы не вскрикнуть...

Такой боли я не испытывала ни разу в жизни. Я никогда не думала, что физические страдания вообще могут сравниться с душевными. Но эта боль могла. Она выжигала всё внутри меня, как будто хотела уничтожить, стереть с лица земли.

А потом я почувствовала, что у меня больше нет рук. Вместо них были крылья. Широкие, с тёмными, мягкими перьями. Тело стало гибче и легче, глаза — острее. И меня потянуло вверх, вперёд, к бесконечному небу, которое стало уже практически чёрным, подчинившись правилам наступающей ночи.

И я воспарила над мрачным замком Повелителя эльфов, ловя крыльями свободный, ласковый ветер, выше, выше, выше... В небо... Туда, куда ушёл тот, кого я любила больше всего в жизни.

Мысли сбились, отчаянно забилося птичье сердце, и я чуть не упала вниз, но Рым аккуратно поддержал меня, и на миг мне почудилось, что у него по-прежнему не крылья, а руки.

«Держись, Линн! Ещё немного!» — раздался его голос прямо у меня в голове, и я лихорадочно замахала крыльями, пытаюсь показать ему, что я сильная, я справлюсь. Совсем как в детстве, когда...

Нет, нет, нет! Я запретила себе думать об этом уже очень давно.

Лети, Линн!

Выше, выше, выше...

Полёт закончился неожиданно. Мы с Рымом опустились вниз, к деревьям, я услышала его тихий шёпот — и вот, я уже кубарем лечу к земле, на какую-то поляну, в воздухе пытаюсь сгруппироваться, чтобы не сломать шею.

— Линн, Рим! — услышала я негромкий, но восторженный голос Милли. — Всё получилось! Как я рада!

А я уже поднималась, удивляясь тому, как удачно получилось приземлиться, даже ничего не ушибла. Рим, оказавшийся рядом со мной, тихо сказал:

— Милли, дай одежду, Линн очень замёрзла.

На поляне было темно, хоть глаз выколи. По какой-то причине ни костра, ни магических огоньков не зажигали. Но я, тем не менее, различила силуэты всех членов отряда — Браш и Тор сидели на поваленном дереве, Гал стоял рядом, держа в руках сумку, в которой рылась Эмиландил.

— Вот, — эльфийка бросила мне рубашку, какое-то бельё и штаны. — Должно подойти.

Я вздохнула. Джинсы и футболку было жалко, они так и остались в Эйме. Ну ладно, хоть моя кожаная сумка по-прежнему тут, висит в числе поклажи на лошади Рыма.

Одежда мне и вправду подошла, хоть и пришлось подвернуть рукава и штанины. С сапогами было хуже. Ножки у меня маленькие, как у ребёнка, и обувь Милли была велика мне размера на четыре. Я уже хотела взять какую-нибудь тряпку и обмотаться на манер портянок, как эльфийка, приложив

ладони к сапогам, что-то пробормотала, и я почувствовала, что обувь стала идеально подходить.

— Ты уже можешь колдовать? — удивлённо спросила я у улыбающейся Милли.

— Да, — она кивнула, — магия вернулась немного раньше, чем я рассчитывала, так что теперь мы с Брашем справимся с нашей задумкой. Рим!

Я с тревогой посмотрела на орка. Он шёл к нам с каменным выражением на лице, и от этого мне становилось не по себе. Задумка... о какой задумке говорила эльфийка? Что они хотят сделать?

— Ты уверен? — тихо спросила Эмиландил у Рыма, когда он подошёл ближе.

— Абсолютно, — орк кивнул. Я вскинулась.

— Рим, что?..

— Тише, маленькая, — он усмехнулся, отошёл к Тору с Брашем и заговорил о чём-то с ними.

«Маленькая». Именно это значило имя «Линн» на древнем наречии эльфов, о чём поведала Милли почти сразу после моего появления здесь. Но не поэтому я застыла, как громом поражённая, сжимая и разжимая кулаки.

Запретное слово... Давно, как давно это было! Полумрак, тусклый свет настольной лампы с зелёным абажуром, запах барбарисовых карамелек изо рта, и тихий голос: «*Спи, маленькая...*»

«*Сплю... Ты не уйдёшь?*»

«Нет, маленькая».

Ласковые руки, сладкий поцелуй в щёку, и полусон-полудрёма, захватывающий всё моё тело... Как же давно это было.

Я хотела кинуться вслед за Рымом, схватить его за руку, расцарапав кожу острыми ногтями, как кошка, и закричать, чтобы никогда не смел называть меня так. Я хотела. Но почему-то не смогла. И просто стояла, глядя ему в спину, глотая слёзы, так и не пролившиеся из глаз.

Ушёл. А обещал, что не уйдёт.

— Линн?

Меня привёл в чувство голос Милли. Она осторожно дотронулась до моего плеча и заглянула в глаза.

— Что с тобой, Линн?

Я повернулась к ней, стирая с лица следы всех переживаний. Я уже давно перестала быть маленькой.

— Ничего. Всё хорошо. Не расскажешь, что вы всё-таки задумали? Почему-то я думаю, что это касается меня.

— Всё верно, — Милли кивнула. — Из всех нас сейчас ты — самая уязвимая. И на тебя объявлена охота. Отец — не единственный, кому нужна твоя сила. И они сделают всё, чтобы найти и поймать. Поэтому мы решили... — она загнулась.

— Ну?

— Это будет сложно, но мы с Брашем хотим попробовать. Мы создадим фантом и повесим его на меня. И у каждого,

кто будет пытаться тебя найти с помощью магии, сигнал будет раздваиваться и, истончаясь, исчезать через несколько секунд.

— Фантом? — я нахмурилась, тщетно пытаюсь вспомнить. — А что это такое?

— Он похож на иллюзию, только сложнее. Маг легко видит сквозь все иллюзии, а фантом — он почти как настоящий. Я буду выглядеть, как ты, пахнуть, как ты, у меня будет такая же аура и сила. Это, конечно, будет всего лишь иллюзия, просто более сильная, но фантом спутает твоих преследователей.

— Значит, они переключатся на тебя? — я нахмурилась. — Я не понимаю, в чём смысл, они просто поймают нас обеих.

— Не поймают, — от раздавшегося позади голоса Браша я подпрыгнула. — Ты не поняла главного, Линн — мы разделимся. Я, Милли и Гал пойдём в Лианор по одному пути, вы с Рымом и Тором — по другому.

Я переводила беспомощный взгляд с него на Эмиландил. Я не хотела, чтобы они так рисковали. Поддержание фантома необыкновенно выматывает энергетически, и даже вдвоём Милли с Брашем вряд ли вытянут больше пяти дней.

Это я им и сказала.

— Нам нужно всего три дня, — ответил мне подошедший Тор. — Именно столько времени понадобится нашей группе, чтобы достичь Лианора. Милли, Браш и Гал придут туда

немного позже, но мы сможем послать им весточку, чтобы они могли снять фантом.

— Думаешь, в Лианоре мне уже ничего не будет грозить?

— удивилась я. — Там нет охотников за чужой силой?

— Есть, — вместо Тора ответил Рым, за которым тенью следовал верный Бугалон. — Но в Лианоре Аравейн. Ни один маг в здравом уме и твёрдой памяти не пойдёт против него.

— А без ума и памяти?

— Тоже не пойдёт. Не бойся, Линн.

— Я уже говорила тебе, что не боюсь.

Рым посмотрел на меня со странной знакомой усмешкой, а потом повернулся к Брашу и Милли.

— Приступайте. Не стоит тянуть. Чем скорее отправимся в путь, тем лучше.

Дальше началось самое невероятное действо из всех, что я видела ранее. Куда там нашему цирку с его нелепыми фокусниками. Куда там даже фильмам с дорогими спецэффектами, когда рядом происходит нечто подобное, потрясающее, удивительное, поражающее воображение.

Гал, Тор и Рым отошли в сторону, а Милли взяла меня за руки и произнесла, глядя в глаза:

— Смотри на меня, Линн. Ни в коем случае не разрывай зрительный контакт, иначе ничего не получится.

Я только успела кивнуть и вздрогнула, когда Браш сзади положил свои большие, сильные ладони мне на плечи. Я хо-

тела сказать: «Но на меня же не действует магия!», но неожиданно поняла, что магическому воздействию сейчас подвергают вовсе не меня, а Милли.

Да, никакой голливудский фильм не сравнится с этим странным и немного пугающим ощущением того, как сквозь твоё тело текут, словно реки, магические потоки, смешиваются между собой, образуя нечто, напоминающее цепочку ДНК, и ты чувствуешь каждое звено этой цепочки, пронизывающей все твои клеточки, и выходящей из кончиков пальцев — для того, чтобы перетечь в другое тело и слиться с энергией Милли.

А потом эльфийка начала меняться. Сначала Эмиландил засветилась каким-то розовым светом, а затем я вдруг поняла, что смотрю больше не в зелёные, как трава, глаза. Теперь они стали серыми. Серыми и мягкими, как бархат. Потом уменьшился нос, покрывшись зазорными веснушками, завились и изменили цвет волосы. Мне было всё труднее сдерживать рвущийся изнутри изумлённый крик, но я усилием воли подавляла эмоции, потому что чувствовала, как дрожат руки Браша у меня на плечах, и осознавала, что если закричу, то все труды друзей пойдут насмарку — я попросту сломаю эту хрупкую цепочку заклинания-ДНК, и Милли вновь станет собой.

В конце концов Эмиландил резко уменьшилась в росте, и я уже обрадовалась, что всё закончилось, потому что Браш наконец убрал ладони с моих плеч, но вдруг Милли отпусти-

ла одну мою руку, выхватила из-за пояса кинжал, полоснула им по запястью сначала меня, а потом себя, и прижала свою порезанную руку к моей, соединив наши раны так, чтобы моя была сверху.

Несколько резких, отрывистых слов древнего заклятья — и розовое свечение вокруг Милли усилилось, а затем также внезапно угасло совсем.

— Всё, — выдохнула эльфийка, обессилено опускаясь на траву. — Мы сделали, что могли, Рым. Браш отзеркалил на меня внешность Линн, а я отпечатала её ауру и связала нас кровью. Теперь мы — как сёстры-близнецы для любого мага, в том числе и для моего отца.

Я вздрогнула, на мгновение прикрыв глаза. Близнецы...

— Хорошо, Милли, — усмехнулся подошедший к нам Рым. За его спиной стояли Тор и Гал, переводя изумлённые взгляды с меня на Эмиландил. Да уж, они с Брашем хорошо поработали — копия получилась знатная. Теперь я могла посмотреть на себя со стороны и убедиться в том, насколько я маленькая, кудрявая, лохматая и в целом несуразная.

— По какой дороге пойдёт мой отряд, Рым? — спросил орка Браш. Не спеша подходя ко мне, маг перевернул ту руку, которую поранила Милли, и, проведя над порезом кончиками пальцев, заставил его затянуться, оставив только розовую полоску на коже.

— По центральной. На ней много народу, вас будет не так просто застать врасплох. Держитесь подле больших торго-

вых караванов и не болтайте лишнего. Если кто будет спрашивать, отвечайте, что вы с Милли — молодожёны, едете в столицу издалека в гости к родственникам, а Гал — ваш слуга.

— А где поедem мы, Рим? — подал голос Тор. — Ты всё-таки решил?

Я подняла на орка удивлённый взгляд. Решил?.. То есть он отчего-то сомневался? Колебался? Интересно, почему?

Я вздрогнула, увидев, как вспыхнули и рассыпались яркие искорки в глубине зрачков Рыма. Он смотрел прямо на меня несколько секунд, словно ещё раз обдумывая своё решение, анализируя, вспоминая, прикидывая...

А потом, кивнув, ответил:

— Да. Мы пойдём Тропой Оракула. Я решил.

Ничего себе! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

За пределами повествования

Дорогой брат!

Сегодня я счастлива, наверное, больше, чем когда-либо.

Знаешь... это удивительное чувство — любовь. Мы с Робиаром так сблизились за последние пару месяцев, постоянно разговаривали, вместе читали, гуляли... И я даже не заметила, как полюбила его. Я поняла это только сегодня, когда он, страшно смущаясь, признался в своих чувствах и поцеловал меня.

Знаешь ли ты, Интамар, в каком отчаянии я пребывала, когда ты сообщил мне о необходимости брака с Робиаром?.. Знаешь ли ты, как поначалу я, приехав в Эйм почти в одиночестве, если не считать моей верной служанки Марин, каждую ночь рыдала в подушку от бессилия, тоски и страха?.. Но, милый, обожаемый мой брат, как же я счастлива теперь, что всё сложилось именно так!

Я умру намного раньше Робиара, но он сказал, что всё равно готов назвать меня своей единственной. Я знаю, что это значит для эльфов.

Очень надеюсь, что ты сможешь приехать на нашу свадьбу. Я жду тебя с нетерпением!

С любовью, твоя сестра Лемена

Архив личных писем Интамара, императорская библиотека

Быстрее, быстрее, быстрее... Кажется, Эдигор ещё не бежал так ни разу в жизни. Он бы, наверное, взлетел, если бы не балласт по имени Мика, который ему приходилось тянуть за собой за руку.

Изумлённые слуги и придворные провожали ошеломлёнными взглядами мчащегося невесть куда наследного принца с растрёпанной служанкой в придачу и растерянно качали головами. Где же это видано, чтобы принцы так носились! Да ещё и вместе с безродной девчонкой! Безобразие! Но, конечно, высказать это его высочеству они не смели — да и,

честно говоря, просто не успели бы, потому что за то время, что Эдигор бежал мимо, придворные не успевали даже рот открыть.

Наследный принц достиг покоев Аравейна и ворвался туда без всякого стука, потащив за собой и Мику. И, открыв дверь — точнее, бесцеремонно распахнув её — застыл в изумлении.

Определённо, Эдигор уже где-то это всё видел. И даже точно мог сказать, где именно.

— Эд! — издал радостный вопль абсолютно здоровый Люк, подскакивая на постели. Аравейн, повернув голову, перевёл задумчиво-изумлённый взгляд с него на принца.

А Эдигор поступил, как обычный десятилетний мальчишка, которого даже не очень удивил тот факт, что его рисунок неожиданно сбылся во всех подробностях — он просто широко улыбнулся и бросился к другу, чтобы крепко стиснуть его в объятьях и прошептать:

— Люк... Я тебя уже похоронить успел!

— З-з-задушишь, высочество! — рассмеялся Люк, сверкнув радостными глазами из-под подмышки Эдигора. — Да и рановато ты меня похоронил-то!

Принц выпустил пажа из объятий, а потом схватил за грудки и, чуть ли не подняв над постелью, прошипел:

— Больше никогда!! Не смей ничего пить!! Без меня!! Ты понял?!

Люк только и успел, что испуганно вытаращиться, как

вмешался Аравейн, положив ладонь на плечо Эдигора.

— Будет вам, ваше высочество. Кто же знал, что в той посудине яд. Все живы — и хорошо.

— А... с ним точно всё в порядке? — спросил принц, выпустив наконец Люка. Аравейн задумчиво кивнул.

— Да, абсолютно, ваше высочество. И... я бы очень хотел понять... почему.

Если бы Эдигор в тот момент смотрел на мага, то он бы, вероятно, заметил, как вспыхнули сапфировые глаза Аравейна, но принц не отвлекался ни на кого, кроме Люка. Он сидел с ним целый час, пока магу не пришлось напомнить, что господину пажу нужен отдых и здоровый сон. Только тогда Эдигор оставил друга, приказав Мике не спускать с него глаз, и вместе с Аравейном удалился из комнаты.

Только на пороге собственных покоев наследный принц вдруг подумал — а чего ради, собственно, наставник с ним тащится? Разве ему нечем заняться?

Эдигор уже открыл рот, чтобы узнать это у Аравейна, как неожиданно его буквально сдуло внутрь спальни и плюхнуло в кресло, а с порога послышался голос мага:

— Стража, никого не впускать.

У вошедшего Аравейна глаза горели, как две свечки, только огонь был голубого цвета. Но Эдигор не испугался даже тогда, когда маг подошёл к нему и, положив руки ему на плечи, тихо сказал:

— Ваше высочество, прошу, вспомните всё, что вы делали

с того момента, как покинули мою комнату и пошли к себе. Абсолютно всё, в подробностях. Это очень важно.

Эдигор нахмурился. Он ясно видел — наставник чем-то встревожен. Только вот никак не мог понять, чем именно можно настолько растревожить обычно невозмутимого Аравейна.

И принц принялся рассказывать. Впрочем, там и не о чем особенно было рассказывать — пришёл, порисовал, убежал в пыточную, чтобы спасти от несправедливого наказания Мику, пошёл в тронный зал...

— Ваше высочество! Рисунки, пожалуйста, покажите мне рисунки! — пальцы Аравейна на плечах Эдигора сжались, выдавая крайнее волнение.

Причин отказывать у наследного принца не было, поэтому он покорно встал с кресла, подошёл к столу и, взяв в руки рисунки, протянул их Аравейну.

Эдигор никогда не думал, что и так бледный донельзя наставник может побледнеть ещё сильнее. Он переводил сверкающий взгляд с одного рисунка на другой, сжав губы и, кажется, даже дышать перестал.

— Ваше высочество... — через несколько минут полнейшего молчания сказал Аравейн. — Скажите мне... Вы... дали ей имя?

— Кому? — не понял Эдигор.

— Ей! — и длинный палец мага упёрся в изображение маленькой девочки со светлыми... да, непременно со свет-

лыми... волосами.

Принц нахмурился. Имя... Как можно было дать имя рисунку? Но едва он так подумал, как тут же вспомнил.

— Да! — Эдигор едва не подпрыгнул. — Я даже сказал: «Привет, Лу!». Я не знаю, почему так сказал. Но, Аравейн, это же просто рисунок!

Уголки губ мага странно дёрнулись.

— Ваше высочество, вот ЭТО, — он помахал в воздухе изображением улыбающегося Люка, — тоже был просто рисунок.

— Но... вы же не хотите сказать, что мой паж...

Эдигор замолчал, как только увидел, что Аравейн качает головой, прижав указательный палец к губам.

Разве мог Люк выздороветь из-за его рисунка? Это ведь глупость! Сюжет из какой-нибудь детской сказки. А Эдигор был слишком разумным ребёнком, чтобы верить в сказки. Да и не случается с будущими императорами ничего сказочного — никогда и ни за что. Они должны твёрдо стоять на земле обеими ногами, а не витать в облаках.

Пока Эдигор размышлял об этом, Аравейн как-то странно моргнул... и оба рисунка рассыпались пылью. Принц обиженно поглядел на наставника — всё-таки он от души рисовал и совсем не хотел, чтобы его художества испепеляли взглядом, да ещё и без его разрешения.

— Простите, ваше высочество, — спокойно сказал Аравейн. — Это не моя прихоть, так нужно. Примерно через

час после того, как вы ушли из моих покоев, оставив там умирающего Люка, я почувствовал вспышку необычной силы рядом. Настолько рядом, что сумел её перехватить и заглушить, чтобы никто, кроме меня, не смог её засечь. И теперь я понимаю, чем она была вызвана.

— Чем? — спросил Эдигор, странно холодея.

— Вы уже поняли, ваше высочество. И я настоятельно прошу вас... Никогда, ни при каких обстоятельствах, вы не должны рисовать ничего из того, что приходит вам в голову. Рисуйте точные портреты, пейзажи, натюрморты, но ничего не добавляйте от себя. Никогда. Обещайте мне!

Сапфировые глаза Аравейна настолько зловеще вспыхнули, что на миг Эдигор забыл — никто не может приказывать ему, кроме родителей. Но в тот момент принц почему-то послушался.

— Я обещаю, Аравейн.

— И не говорите никому об этих рисунках. Даже Люку, ваше высочество.

Эдигор нахмурился.

— Почему?

— От этого зависит ваша жизнь. И если вы не хотите её лишиться... Пожалуйста, молчите, ваше высочество. Вы ничего не рисовали сегодня. И вообще никогда.

— Думаешь... — от волнения Эдигор даже не заметил, что начал называть наставника на «ты». Впрочем, Аравейн этого тоже не заметил. — Думаешь, мой второй рисунок то-

же... того... сбудется? Но ты ведь его сжёг!

— Я просто сжёг улики, ваше высочество. — Аравейн грустно улыбнулся. — Но на результат это не повлияет, поэтому могу сказать вам точно — он сбудется. Не так быстро, как первый, но это лишь дело времени.

Эдигор вздохнул.

— Но, Аравейн... Меня ведь проверяли ещё при рождении! Да и ты всегда говорил мне, что я не маг. Это что, неправда?

— Чистая правда, ваше высочество. Вы действительно не маг. И то, что случилось — не магия.

— А что же тогда это?!

Несколько секунд наставник молчал, задумчиво наклонив голову, словно пытаясь взвесить каждое слово. А потом, вздохнув, ответил:

— Просто забудьте, ваше высочество. Вам лучше этого не знать. По крайней мере сейчас. А пока — для вашей же безопасности — просто забудьте.

На мгновение Эдигор прикрыл глаза... а когда открыл их, он уже не был тем любопытным ребёнком, который только что разговаривал со своим наставником, выпрашивая интересные для себя вещи. Из глубины тёмных, как сама ночь, глаз на Аравейна теперь смотрел кто-то мудрый и намного более взрослый.

— Хорошо, Аравейн. Я забуду. И больше не буду рисовать никаких собственных фантазий. Обещаю. Но и ты кое-что

мне обеща́й.

— Что, ваше высочество? — маг слегка склонил голову.

— Я хочу убрать господина Матиаса из дворца. Он осмелился насиловать мою служанку, несовершеннолетнюю девочку. Помогите мне избавиться от главного дворцового управляющего, Аравейн.

— Вы знаете о Матиасе далеко не всё, ваше высочество, — маг вздохнул. — Я обнаружил на нём тонкие нити силы — той самой силы, что вела от Мики к её гипнотизёру. Это значит, что Матиас с ним общался, возможно даже, что они сообщники.

— Проверь эту версию.

— Обязательно. Но что именно вы хотите сделать потом? Просто удалить его из дворца, сослать на исправительные работы? Или... быть может... убить?

Эдигор вздрогнул.

— А ты... Можешь, Аравейн? Ты убьёшь его... если я попрошу?

Глаза-драгоценные камни странно сверкнули. Серьёзно, зловеще, а ещё — не по-человечески. И это испугало бы кого угодно, кроме Эдигора.

— Да, мой принц.

Искушение было так велико, что пальцы будущего императора непроизвольно сжались. Убить... убить эту тварь он мечтал с тех пор, как заглянул в глаза сломанной девочки. Эдигор не был магом, он не умел видеть ауру, силу маги-

ческих потоков и прочую ерунду с целой кучей магических терминов, но то, что Мика — именно сломанная девочка, принц видел совершенно ясно. Потому что у нормальных тринадцатилетних девочек не бывает таких грустных глаз, в глубине которых прячутся боль и самая настоящая ненависть — горячая и обжигающая, как лава в жерле вулкана.

— Нет, — Эдигор всё же справился с собой и, сжав зубы, покачал головой, — не нужно его убивать. Каторги будет достаточно. А там уж его кто-нибудь другой устранил. Или он сам себе на шею петлю набросит. Я уверен.

На этом закончился странный разговор наследного принца и его наставника. И Эдигор уже, конечно, не видел, как вернувшийся в свои покои Аравейн проверил состояние спящего Люка, а потом, отпустив Мику, просидевшую всё это время на табуретке в изголовье кровати отравленного пажа, повернулся к небольшому зеркалу, висевшему на противоположной стене.

Это было очень странное зеркало — оно никогда и ничего не отражало. Вот и сейчас там только клубилась густая тьма, в которой было не разобрать ничего, кроме сверкающей пары голубых, как небо, глаз.

А потом тьма тихо сказала женским голосом:

— Началось, Вейн?

Наставник принца устало потёр виски.

— Да, Ари. Я не думал, что это случится так скоро. Но успел перехватить.

Тьма тревожно закружилась в глубине зеркала.

— Как думаешь, он успеет?..

— Вырасти? Да, Ари. Он не сорвётся. Сильный.

Тьма издала ехидный смешок.

— Кажется, он нравится тебе, Вейн.

В тот момент маг отвернулся к окну, и поэтому тьма не заметила промелькнувшую на его лице ласковую улыбку и внезапно засветившиеся мягким светом сапфировые глаза.

— С рождения, Ари.

Ещё через три дня вина господина Матиаса была полностью доказана при помощи одного магического ритуала. К сожалению, только в изнасиловании несовершеннолетней Мики — для другого обвинения даже у Аравейна было маловато доказательств. Утром следующего дня бывшего дворцового управляющего должны были забрать на каторгу, но не успели. Господин Матиас повесился. Впрочем, к тому времени Аравейн успел узнать всё, что мог, о таинственном «гипнотизёре».

И в тот день Эдигор не смог сдержать радостной полуулыбки, когда о самоубийстве Матиаса узнала Мика — такое облегчение промелькнуло в её глазах, пролившись несколькими слезинками, которые наследный принц собственноручно вытер своим шёлковым платком, изумив этим и присутствующих учителей, и Люка.

Спустя пару часов стала известна ещё одна новость — императрица беременна. И Эдигор заранее знал, что родится

непременно девочка.

Поэтому, спустя девять месяцев, когда он впервые вбежал в покои императрицы Мариники, чтобы взять на руки свою сестру и, сдунув со сморщенного личика локон светлых волос, прошептать, как тогда:

— Привет, Лу!

В ответ девочка распахнула тёмно-синие, ещё слезящиеся глаза, и широко улыбнулась брату беззубым ртом, а императрица тихо, но удивлённо спросила:

— Откуда ты знаешь, что мы решили назвать её Луламэй?

От необходимости отвечать Эдигора спасла сама Лу, неожиданно громко заплакав.

Глава шестая, в которой мы начинаем путешествие к столице

Туда ехали — за ними гнались. Обратно едут — за ними гонятся. Какая интересная у людей жизнь!

«Не бойся, я с тобой»

Сборы заняли не более получаса — все проверяли свои вещи, подтягивали подпругу на лошадях, о чём-то тихо переговаривались, Рым раздавал указания. Особенно это касалось Милли и Браша. Я ошарашенно косилась на своего «клона», которая упрямо и совсем не по-моему иногда встряхивала лохматой головой, думая о том, как же всё-таки странно...

Я здесь всего пару дней. Я чужая, Эрамир не принимает меня — и никогда не примет, как свою создательницу. Таков закон, правила, традиции, и что там ещё может быть. Если я хоть как-то выдам в себе демиурга, воспользуюсь этой силой — хоть я понятия не имею, как — Эрамир уничтожит меня, сведёт с ума, выкинет прочь, словно захватчика.

Но, вопреки здравому смыслу, меня почему-то приняли эти люди — и не-люди — которых я когда-то сама придумала, сидя перед монитором. Хотя они тоже являлись частью Эрамира, хотя я появилась здесь при весьма странных обстоя-

ательствах и в целом была очень странной, хотя из-за меня они влипли в огромные неприятности... Но почему-то принялись мне помогать, не задавая лишних вопросов, без колебаний, сомнений и упрёков.

И теперь я тихо сидела на брёвнышке и рассматривала их всех — Милли, сейчас полную мою копию, которая осторожно подпитывала свой артефакт, позволяющий ей скрываться от отца и братьев; Браша, сосредоточенно роящегося в мешке с вещами; Тора, чистящего свой меч; Гала, проверяющего, туго ли затянуты ремни седла; и, наконец, Рыма, разглядывающего карту этих земель при помощи крошечного магического огонька, выпущенного Брашем...

В моей прошлой жизни, которую так неосторожно оборвали автомобиль и моя рассеянность, никто из знакомых не стал бы делать ради меня ничего подобного. Рисковать собственной жизнью и спокойствием, тратить силы, даже просто отдавать одежду, потому что моя благополучно почил в недрах Эйма. Только Игорь сделал бы ради меня всё, что в его силах, а возможно, даже больше. Но его теперь нет рядом. И, скорее всего, я никогда не увижусь со своим мужем.

Смотреть правде в глаза оказалось неожиданно очень больно — изнутри что-то неприятно кольнуло, и я с силой сжала кулаки, стараясь справиться с накатившими эмоциями. Встала, чтобы отвлечься, и подошла к Рыму.

Завидев меня, орк поднял глаза от карты.

— Скоро выдвигаемся, — сказал он тихо. — Поедешь со

мной?

Это был, скорее, не вопрос, а утверждение, но я, тем не менее, кивнула. А потом так же тихо спросила:

— Зачем нам Тропа Оракула, Рым? Что ты хочешь у него спросить?

Глаза орка опасно вспыхнули. Он отложил карту и взял меня за руку, обронив:

— Пойдём.

Я не очень поняла, куда именно мы пойдём, но послушно потрусила за Рымом.

Мы отошли от лагеря всего на десять шагов, скрывшись за ближайшими кустами. Магический огонёк Браша каким-то чудом не отставал, и только благодаря этому я не сломала шею. Если вы когда-нибудь были в ночном лесу, то сможете меня понять.

Рым остановился очень резко, развернул меня лицом к себе и, положив большие ладони мне на плечи, чуть сжал их.

— Ты ведь знаешь, что такое Тропа Оракула, Линн? Верно?

Я кивнула. Ещё бы мне не знать! Только Милли пошла туда в самом конце книги. А мы прёмся сейчас, и не понятно, за каким хреном Риму это понадобилось.

Тропа Оракула — кратчайший путь в Лианор. Но им пользовались только те, кому действительно нужно было к Оракулу, чтобы что-нибудь у него спросить. Он давал ответ на один вопрос, и только раз в жизни, дважды попасть к Ора-

кулу было невозможно.

Но дело не только в этом. Пришли — спросили — ушли, дело житейское. Тропа Оракула всегда испытывала людей, причём никто заранее не знал, какой сюрприз она приготовила именно для него. Если ты не справлялся с испытанием, то не имел права идти к Оракулу, нужно было поворачивать обратно.

И проходить эти извращённые «испытания» мне вовсе не улыбалось. Оракул имеет весьма странное чувство юмора... да, пожалуй, моё чувство юмора. Я помню, как придумывала его. Но тогда я в тёплой комнате сидела, попивая сладкий чай, а сейчас... Я не хочу! Я боюсь!!

Кажется, я сказала это вслух, потому что Рим вдруг усмехнулся, наклонился ближе к моему лицу и прошептал:
— Совсем недавно ты уверяла, что ничего не боишься, маленькая.

Я вздохнула. Да, так было... Но, наверное, в другом мире. Этот, созданный мной самой, действительно меня немного пугал. И хуже всего было именно осознавать то, что я сама всё придумала, сочинила и описала. Но фантазии фантазиями, а жизнь жизнью. И мне совсем не улыбалось проходить испытание Тропы Оракула. Тем более что я представляла, каким именно оно будет.

Я уже открыла рот, чтобы ответить Рыму, как вдруг поняла — он наклонился уже так близко, что я не вижу его лица. Зато чувствую обжигающее дыхание на своей щеке.

— Всю жизнь я ненавидел людей, Линн, — от хриплого голоса Рыма у меня почему-то странно, но радостно заби-лось сердце. — Ненавидел с того самого дня, как твои соро-дичи сожгли мою деревню, убив на моих глазах мать, отца и сестру. Никого не пощадили, даже детей. Меня спасло толь-ко то, что с раннего утра я ушёл в лес за ягодами для празд-ничного пирога — на следующий день сестре должно было исполниться пять лет — и когда вернулся, то застыл, увидев свой горящий дом, мёртвые тела соседей, родителей, кото-рых забивали камнями, плачущую сестру. Они прирезали её, как свинью, Линн. А меня спасло только то, что от страха я даже пошевелиться не смог. И потом тысячу раз проклинал себя за трусость, за то, что отсиживался в кустах, пока твои сородичи убивали моих родных и знакомых.

— Рим... — прошептала я, чувствуя, как в глазах закипа-ют слёзы, как сжимается в комок сердце от осознания соб-ственной вины — ведь это я сделала! Не они, мои «сороди-чи», а я! Потому что именно я написала эту жуткую историю когда-то на страницах собственной книги.

Но Рим не дал договорить, прижавшись губами к моей щеке, оглушая горячим шёпотом.

— Понимаешь, почему, увидев тебя, я так отреагировал? Понимаешь, почему называл человечиной? А потом я совер-шил свою самую большую ошибку, когда решил прощупать тебя, чтобы понять, есть ли в тебе нечто, чего нам стоит опа-саться. И, заглянув в твои глаза, я провалился очень глубо-

ко. Я видел твою душу, я коснулся её, и это было так... радостно и сладко... и в то же время — очень больно, Линн. Как будто кто-то сделал мне удивительный подарок, а потом — почти сразу — отнял, и отнял навсегда. А я не хочу... не хочу отпускать тебя, маленькая...

Мысли у меня путались. Я точно сходила с ума. От голоса Рыма внутри всё вздрагивало, билось, звенело и словно пускалось в пляс. От его рук, которыми он осторожно меня обнимал, по всему телу разливалось нежное, ласковое тепло, и казалось, что оно может согреть меня не хуже норковой шубы.

И почему-то хотелось заплакать. Прижаться, никогда больше не отпускать, и — плакать...

Что со мной?

— Рым... — еле смогла выдохнуть я, но он не дал мне продолжить, вновь горячо зашептал:

— Я просто хочу узнать, что мне теперь делать... с этим чувством ... Я ведь... не хочу тебя отпускать, понимаешь? Никогда... Но и быть с тобой... мне нельзя, маленькая.

«А я могу спросить у Оракула, как попасть домой...» — вяло подумала я. Но так ли уж мне хотелось туда? Теперь я не была уверена.

Я обнимала Рыма обеими руками, прижималась к нему изо всех сил, и мне почему-то казалось, что вот он — дом, в который я наконец вернулась.

Тепло, нежно, удивительно, безрассудно... Я, кажется, со-

всем растеряла по пути свой разум. Забыла о времени, растворилась в объятиях, слыша только стук двоих сердец.

— Нам пора, маленькая

Куда? — хотела спросить я. А потом вспомнила... И, обречённо вздохнув, поспешила вслед за Рымом, который уже возвращался к остальным.

Потом, когда мы, простившись с Милли, Брашем и Бугалоном, разъехались в разные стороны, у меня было достаточно времени подумать о случившемся. Откинувшись на широкую грудь Рыма, я попробовала уснуть, но почему-то не смогла. И вместо того, чтобы унести в царство Морфея, я думала, анализировала и рассуждала.

Я никогда не была влюбчивой. И с тех пор, как встретила Игоря, на мужчин не заглядывалась. Но то, что произошло у нас с Рымом, я была не в силах объяснить.

И безрассудной я тоже никогда не была. Так почему же я так странно реагирую на близость этого орка? Почему он кажется мне таким родным? Почему не хочется отпускать его или куда-то уходить самой? Откуда все эти странные мысли?

Пожалуй, теперь я была согласна с Рымом по поводу Оракула — мне тоже есть, о чём у него спросить. Хоть и придётся пройти через это сомнительное испытание. Но ничего, я смогу, я сильная.

Мы ехали долго, до самого рассвета. Я никогда не думала, что у меня получится удержаться на лошади такое продол-

жительное время. Впрочем, наверное, ничего бы и не вышло, если бы не твёрдая рука Рыма, которой он придерживал меня за талию.

Какое-то время я не понимала, как мои спутники и их лошади умудряются разбирать дорогу в почти полной темноте. Но потом Рым, заметив моё удивление, объяснил, что это благодаря Брашу, наградившему всех, кроме меня, «ночным зрением» на несколько часов пути, чтобы хватило до рассвета. Именно в это время мы спешили, чтобы поесть и отдохнуть.

— Если повезёт, к вечеру будем на Тропе Оракула, — сказал Тор, скидывая сумку с едой и котелком на землю. — Ездоков тут немного, так что если не наткнёмся на незваных гостей, то часам к четырём уже въедем на Тропу.

— Думаешь, любители моей силы сюда не сунутся? — вымученно улыбнулась я, благодарно усаживаясь на подстеленное Рымом одеяло. Тор вытащил из сумки котелок и пожал плечами.

— Сунутся — почиаем. Ты, главное, на рожон не лезь, как в прошлый раз. А то командир чуть концы не отдал, когда ты с тем эльфом в воздухе растворилась.

— Не сунусь. Но ведь теперь у нас больше нет магов в отряде.

— Как — нет? — изумился Тор. — А Рым, по-твоему, кто?

Я покачала головой.

— Рунная магия требует подготовки, а во время драки выписывать руны...

— Линн, — укоризненно сказал подошедший Рым, — по моему, ты слишком плохого обо мне мнения. Неужели ты думаешь, что я отправился бы в путь, рассчитывая исключительно на мечи, зная, что среди наших противников тёмные эльфы?

Я с интересом на него посмотрела. Но Рым уже отвлёкся от темы, с тоской вертя в руках походный котелок и мешочек с какой-то крупой.

— Эх, жаль, Гала нет, а то из нас с тобой, Тор, повара — как из кошки менестрель.

— Давай я сварю! — вскочила я на ноги. Хотя я никогда не варила каши, пользуясь не плитой, а костром, всё же, надеюсь, моих умений хватит на такое нехитрое дело.

— А ты умеешь? — с сомнением протянул Тор. Я рассмеялась.

— Это я мечом махать не умею, а вот кашу — очень даже. Так что разводите костёр, да принесите воды. Не на вине же её варить, верно?

Рым, засмеявшись, подхватил котелок и потрусил к ручью, возле которого мы остановились, а гном занялся костром. Вскоре у меня было всё, что нужно — вода, крупа, соль, немного вяленого мяса и какие-то травки, из которых надлежало приготовить «чаёк».

Я, покосившись на спутников, садящихся возле костра,

в который раз задумалась — а рассказывать ли им всё, что узнала в Эйме? Про то, что я демиург, про свою силу, про пророчество, в конце концов? Задумчиво помешивая крупу, чтобы не подгорела, я вздохнула — пожалуй, не стоит. Если только про силу демиурга. Но про пророчество пока умолчу, не такое уж оно и важное, да и вообще — непонятное донельзя. Только запутаю всех. Да и сама запутаюсь. Хотя я и так уже по уши запутанная.

Рассуждая логически, можно сделать вывод, что раз есть пророчество, значит, этот мир меня ждал и я что-то должна сделать. Я не просто «провалилась», этот «провал» был предопределён. Но вот зачем я Эрамиру — непонятно. Что мне нужно сделать, чтобы вернуться домой?

— Рим, — позвала я орка, — так всё-таки, что ты припас для наших врагов? Если на нас вдруг нападут маги, что ты будешь делать?

Он вздохнул, подсел ближе и достал из кармана четыре небольших белых камушка.

— Видишь это?

Я кивнула.

— Это четыре охранные руны. Если вдруг перед нами появятся маги, нужно бросить камушки в разные стороны. И тогда никакая магия не проникнет сквозь защитный круг.

— Совсем никакая? — прищурилась я, не поверив. Рим вздохнул.

— Почти. Рунной магией такой круг можно взломать.

Но... мне сомнительно, что среди наших преследователей окажутся орки. Ни эльфы, ни люди рунную магию не практикуют.

Я кивнула.

— Хорошо. А ещё что-нибудь?

Рым хмыкнул.

— Ты любопытна, маленькая.

— Есть такое дело.

— Ну, у нас ещё есть три магических поглотителя — они «заглатывают» пущенное заклятие. Но всего один раз. Две «ледяных иглы» — это такие амулеты, они пуляются холодными иглами. В каждом амулете по десять снарядов. Есть «туманка» — это порошок, если его рассыпать, всё вокруг затянется туманом для всех, кроме того, кто его бросил. Ну и ещё несколько магических штучек, которых мне в спешке понаделали Браш с Милли.

— Например? — опять полюбопытствовала я.

Рым ухмыльнулся и стал по очереди доставать из одной сумки разные мелкие предметы.

— На минуту ослепит преследователей, — он приподнял простое зеркальце в деревянной оправе, — полезная штука, кстати, она через сутки перезаряжается сама, если её на свету оставить. Этот гребень — Милли от сердца оторвала, кстати — можно на дорогу бросить, если понадобится следы запутать, тогда тем, кто попытается нас найти с помощью магии, будет казаться, что мы поехали в другую сторону. А вот

это... — Рым трепетно приподнял три маленькие склянки с переливающейся, словно сделанной из серебра, жидкостью. — Это зелье временного сна. Милли отдала все свои запасы. Если его выпить, можно на целый час стать трупом.

— Это зачем? — я ужаснулась.

— Разные бывают ситуации, — Рым снисходительно улыбнулся. — Иногда нужно притвориться мёртвым. Есть, конечно, опасная вероятность того, что тебя могут закопать живьём. Зато могут и попросту бросить на дороге, не захотев хлопотать над почившим. Причем от трупа тебя будет не отличить, даже маги не смогут эту загадку решить. На, держи одну склянку при себе, Линн. И ты тоже, Тор.

Я послушно спрятала бутылочку с зельем в карман рубашки, застегнула пуговицу, а потом, спохватившись, попробовала кашу. Ура, готово! И чай, кажется, тоже.

— Рым, Тор, кушать подано! — я поперхнулась, чуть не добавив традиционное «садитесь жрать, пожалуйста», но сдержалась. Пора отвыкать от этих навязчивых фразочек из прошлой жизни. А я уже начинала сильно сомневаться в том, что мне удастся вернуться в то место, которое я совсем недавно называла своим домом.

Какое-то время мы сидели в полном молчании, поглощая завтрак. Я старательно отгоняла от себя грустные мысли, поэтому с любопытством оглядывалась по сторонам.

Вроде — лес. Деревья как деревья, только больше и вну-

шительнее, величественнее, чем у нас. С другой стороны, возможно, это я сама обмельчала.

Они затаились. Молчали, ждали, приглядывались ко мне... Ждали, когда я наконец откроюсь полностью, выдам себя. И тогда уж они набросятся... Не пощадят. Потому что мне нет прощения — оказавшись здесь, я нарушила законы мироздания, я бросила вызов тем, кто был гораздо старше и мудрее меня. Я была неосмотрительна, наивна и глупа, и если я воспользуюсь силой, меня просто поставят на место.

Я — демиург. Какая глупость! Я не могу даже в собственной жизни порядок навести, не говоря уж о созданном мире.

«Кто тебе сказал о порядке? — шепнул вдруг кто-то мне на ухо. Я вздрогнула. — Ты — всего лишь демиург. Создатель».

«У нас Создателем называют Бога, — возразила я. — А я — не Бог».

«Верно. Но он дал тебе силу воплощать фантазии, делать их настоящими. И ты ей воспользовалась, вложив в этот мир частицу души».

Души? Я вздохнула и подняла взгляд к небу. Какое чистое, нежное, как кожа у маленького ребёнка. И эти деревья... Воздух... Могло ли всё стать таким потому, что я всегда мечтала... именно об этом? Описывая Эрамир, я описала свою идеальную фантазию. Описала место, в котором хотела бы жить.

«Этого мало, Линн, — шепнул некто. — Многие, очень

многие в вашем мире пишут книги, рисуют картины. Но не у всех они становятся реальностью, далеко не у всех. Дар демиурга — особенный. Это знак доверия. Божественного доверия».

«Доверия? — прошептала я мысленно. — Но... чем я заслужила?»

«Я не знаю. Никто не знает. Ты спрашивала себя, почему оказалась здесь? Ты поколебала это доверие».

Я вздрогнула.

«Чем?!»

Некто долго молчал. А потом я услышала тихий вздох... То ли мужской, то ли женский, а может, их было два?

«Ты поймёшь. Должна понять. Иначе... иначе всё будет зря».

И такая тоска была в этом голосе...

«Кто ты? Ты... Бог?»

«Нет, — он рассмеялся. — Я всего лишь Хранитель».

А потом он замолчал, и я почему-то сразу поняла, что на сегодня разговоры закончились. Но с той самой минуты чувство, что за мной кто-то постоянно наблюдает, стало ещё острее.

По крайней мере, ответ — точнее даже, полуответ — на один свой вопрос я получила.

Я должна вернуть доверие.

Ещё бы знать, как...

— Рым, что ты знаешь о Хранителях? — первой решилась я нарушить тишину, увидев, что мои спутники умяли наконец по тарелке с кашей и уже задумчиво жуют вяленое мясо, запивая его травяным «чайком».

— О ком? — орк нахмурился.

— О Хранителях.

— Ну... видимо, эти Хранители что-то хранят? — ответил он после недолгого молчания. — Из названия понятно...

— А, — я огорчилась, — то есть ты ничего не знаешь. И, наверное, даже впервые слышишь?

Рым кивнул, а Тор неожиданно ответил:

— Об этом в детских сказках написано. Только в наших, гномьих. В орочьих нету, наверное.

— Не знаю, — хмыкнул Рым. — У меня же родители рано погибли, можно подумать, я хоть одну сказку помню. Мне их уже двадцать с лишним лет никто не читал.

— Ну вот там упоминались некие Хранители. Это вроде таких бессмертных существей, которые сохраняют в мире равновесие, берегут его покой, не дают ему в хаос погрузиться.

Я почувствовала, что начинаю тихо офигевать. Получается... у моего мира тоже есть... Хранитель?

Но... я его не придумывала... Совсем!

Наверное, он тоже... божественно одарённый. Может, это он перетянул меня сюда, в Эрамир?

Я нахмурилась. Нет, не может быть. Хранитель должен

следить за равновесием, за соблюдением законов мироздания, в конце концов, а моё появление здесь нарушает все возможные правила и не укладывается ни в какие рамки. Нельзя, невозможно. Так что нет, это не Хранитель.

Интересно, как часто он будет со мной беседовать? И не подбросит ли ещё парочку подсказочек? А то в этом пазле явно много дырок.

Мы ещё немного отдохнули, а потом Тор и Рым начали собирать вещи и готовиться к скорому отъезду. Лошадей они, чтобы те выдержали такую гонку, напоили из каких-то флакончиков специальным чудо-зельем. Что-то вроде наших энергетиков, только лучше и для животных.

Я, позёывая, делала несколько простейших упражнений, чтобы размять немного затёкшее тело, как вдруг...

Хотя, собственно, чего я ждала? Что тёмные эльфы будут единственными охотниками за моей силой, с которыми я здесь столкнусь? Ага, щаз-з-з. Разбежались и подпрыгнули. Впрочем, я их понимаю. С помощью силы демиурга реально можно миром повелевать.

В глубине моего измученного размышлениями мозга что-то шевельнулось — какая-то мысль — но она тут же погасла, потому что не до неё сейчас было. Когда на тебя из кустов вылезают пятеро типов бандитской наружности, как-то не до рассуждений.

И первое, что я сделала, когда увидела их рожи — это совсем глупо, по-детски, громко завизжала.

Я так вопила последний раз лет в семь. Не помню даже, из-за чего. Помню только, как подошедший брат строго сказал: — Ты чего вопишь? Если так орать, барабанные перепонки лопнут, и ты оглохнешь.

И я послушно захлопнула тогда рот. Да и сейчас... Захлопнула, как только вспомнила эти его слова, а ещё увидела быстро разворачивающихся Рыма с Тором, уже ошетилившихся оружием. Они улыбались так яростно, что я поневоле отшатнулась.

И всё-таки, дикость какая-то — на нас напали, а они лыбятся! Неужели драться — это так весело?

В общем, минуты через три я оценила, что это с какой стороны посмотреть. Если самому мечом махать, норовя укоротить противнику носик, то, возможно, ещё ничего. При условии, конечно, что именно ты будешь кому-то что-то укорачивать, а не тебе. А вот когда стоишь за спинами двоих дорогих тебе людей... точнее, не-людей... тьфу! В общем — дорогих. И видишь, как они сражаются сразу с пятью искусными воинами...

Короче говоря, когда всё это закончилось, мне показалось, что я так навсегда и останусь бледно-зелёной. Не от тошноты — от тревоги и беспокойства. Хорошо, что эти непонятные типчики магами не были. А то бы у меня, кроме бледности, ещё были бы трясущиеся руки.

— Р-р-рым... — то ли прохрипела, то ли прорычала я, бросаясь вперёд и прижимаясь к своему орку. Он, улыбнув-

шишь, погладил меня свободной рукой по макушке и чуть отодвинул в сторону.

— Испачкаешься, Линн. На меня тут кровушка попала.

— Не твоя? — я испуганно вытаращилась на его рубашку.

— Нет уж, — он хмыкнул. — Простым воинам меня не одолеть, Линн.

— Зазнайка! — вдруг вырвалось у меня. Рым вздрогнул, опустил глаза и посмотрел на меня с каким-то странно-знакомым чувством в глазах.

— Что?..

Я уже хотела повторить, но меня перебил Тор:

— Слушайте, вы, 3-3-заразы, по-моему, нам пора сматываться! А то сюда ещё какой-нибудь отряд живчиков заявится.

— Ты прав, — кивнул орк. — Убираемся отсюда.

Минуты через три нас на этой поляне уже не было. И следов нашего здесь пребывания не было тоже — благодаря маленькому амулету — подарку Браша. Стоило протереть этой странной тряпочкой саму землю, как она добровольно «впитывала» в себя все следы, вплоть до отпечатков аур. И теперь ни один маг не сможет сказать, что именно на этой поляне попивала утренний чай девочка-демиург.

Если вы думаете, что после того утреннего нападения нас больше никто не трогал, то... вы глубоко заблуждаетесь.

На нас напали ещё трижды. От одного отряда, довольно

крупного, кстати, но самого обычного, мы ушли благодаря «туманке» — связываться с таким большим количеством воинов мои спутники совершенно не хотели. А из-за того, что магов там не было, определить, куда мы поскакали, охотники за чужой силой так и не смогли.

Как тихо объяснил мне Рым, когда мы улепётывали от них, то, что я «вывалилась» в этот мир, должны были почувствовать абсолютно все маги. Но не все из них могли нанять отряды, как у тёмных эльфов. Большинство обращалось к обычным наёмникам. Кроме того, никто по-настоящему не знал, в какой именно компании я путешествую — увидеть меня через какой-либо «хрустальный шар» не представлялось возможным, а засечь непосредственно на местности можно было только неслабым магам с очень близкого расстояния. Оставалось прочёсывать близлежащую к месту моего появления местность, чем эти отряды и занимались.

Так что нам пока везло. Возможно, если бы хоть кто-то, кроме, конечно, Повелителя Робиара, подозревал, что я путешествую не одна, а в компании с двумя хорошими воинами, а у Рыма ещё и магические способности есть... В общем, вряд ли нам бы тогда так везло.

Со вторым отрядом, состоящим из двоих наёмников и двоих магов, пришлось попотеть. Тут нам пригодились и магические поглотители, и «ледяные иглы», которые, к сожалению, пришлось истратить почти все, пока они наконец достигли цели и пришибли этих проклятуших магов. Но, ко-

нечно, неслабую роль сыграли волшебные камушки Рыма, создавшие вокруг нас защитный круг, непроницаемый для магии. Хотя преследователи оказались не менее расторопны, и пока Рим разбрасывал свои булыжники в разные стороны, успели кинуть несколько заклятий, из-за которых пришлось распрощаться с магическими поглотителями.

Наткнувшись через пару часов на очередных моих потенциальных похитителей, я услышала, как Тор тихо взвыл:

— Да что же это такое!! Достали!!

— Ещё полчаса, и мы будем у Тропы, — крикнул Рим, вытаскивая из-за пазухи зеркальце. — Нужно продержаться.

В этом отряде было пятеро наёмников и один маг. Самый обычный, человеческий. Возможно, если бы у нас оставалось побольше «ледяных игл», Рим выбрал бы другой вариант развития дальнейших событий. Но так как он решил прибегнуть к крайний случай, да и Тропа уже маячила за поворотом...

В общем, он засветил нашим преследователям в глаз зеркальцем, оставленным в подарок Брашем и, завопив: «Бежим!!» — пришпорил коня.

Тот бег напомнил мне взлёт самолёта — меня так же откинуло назад, в ушах зашумело, в голове что-то будто сжалось, к горлу подкатил комок... Да-а-а, никогда не думала, что обыкновенные лошади могут развивать такую скорость.

— Смарагд — необыкновенный, Линн, — шепнул Рим мне на ухо, а потом, обернувшись, бросил назад гребешок

Милли. — Это отвлечёт мага. Мы должны успеть добраться до Тропы, потому что дальше они не пойдут.

— Я тоже не горю желанием туда соваться, — прохрипел Тор, наклоняясь к гриве своей лошади, которая мчалась чуть позади нас с Рымом. — Но раз уж ты так настаиваешь...

— Именно, — орк рассмеялся.

Каждую секунду мне казалось, что ещё немного — и впереди нас вынырнет очередной отряд любителей поживиться за чужой счёт, и моим спутникам придётся срочно вынимать мечи и защищать мою девичью честь. Именно честь, потому что, если я правильно поняла, получить силу демиурга можно только тем самым путём, о котором рассказали мне Робиар с Громом.

Интересно, кстати, как там Гром? Вырвался ли из Эйма? Поговорил ли с Аравейном? И если да, то... что? И не совершаю ли я ошибку, стремясь в столицу? Вдруг этот маг тоже будет не прочь моей силушки захватить за бесплатно. Я была не уверена в этом своём решении, но... разве у меня был выбор? Разве я могла поступить как-то по-другому?

Сидя дома, под тёплым пледом, сочиняя собственную книгу или читая чужие, всё кажется таким лёгким и простым. Это всего лишь слова, которые чья-то искусная рука сплетает в предложения. Всего лишь фантазии, пусть даже интересные и захватывающие.

Теперь же, зная о том, что эти фантазии могут стать реальностью, я не была уверена, что когда-нибудь вновь буду

писать книги. Зная о том, что каждая написанная строчка где-то воплощается, что я причиняю боль не просто никогда не существовавшим героям, а настоящим, реальным... Что я порой убиваю их, награждаю счастьем или отнимаю его — всего лишь потому, что мне так хочется. При мысли об этом у меня мурашки бежали по спине, невзирая на близость горячего, как костёр, Рыма.

Зачем нужна такая сила? Зачем она даётся обычным людям? Если бы я знала... Если бы я только знала, что мои фантазии существуют на самом деле... Клянусь всем, что мне дорого — я написала бы совсем иначе. Я никогда не убила бы Рыма, я не стала бы причинять боль Милли...

«Теперь ты понимаешь, почему демиургам нельзя появляться в созданном своими руками мире, Линн? — шепнул на ухо лукавый голос. — Теперь ты понимаешь, почему им вообще *нельзя* знать о своей силе?»

Я грустно улыбнулась.

«Пожалуй, да, понимаю. Потому что когда ты узнаёшь, что сам создал не только радость, счастье и любовь, но и боль, страх, жестокость и насилие, своими руками убил не фантазию, а реально существующего человека... Ты не можешь больше ничего создавать. Не хочешь иметь такую силу».

«Этим вы и отличаетесь от Бога, Линн», — прохладное дыхание невидимого существа пощекотало мне шею.

«Но зачем? Зачем нужна такая сила? Пожалуйста, ответь

мне, Хранитель! Ты ведь знаешь?!» — мысленно прокричала я.

И тут же зажмурилась. Потому что внезапно дорога перед нами стала иной — ухабистой, неухоженной, нетоптанной. А самое главное, что будто бы изнутри всех растущих здесь кустов вдруг начал наплывать туман — сначала белёсый и полупрозрачный, затем — серый и кружащийся вокруг собственной оси.

— Тропа Оракула, — тихо сказал Рым, спрыгивая на землю и снимая меня с коня. — Дальше идём пешком.

— А верхом почему нельзя? — поинтересовалась я.

— Ноги лошади переломают. В таком тумане они не будут видеть ям и ухабов.

ТЬфу, Линн, что за глупый вопрос? Ты ведь знаешь на него ответ. Сама ведь придумала эту Тропу.

Я огляделась по сторонам и мысленно повторила:

«Хранитель! Где ты? Пожалуйста, ответь! Зачем нужна такая сила?»

Я увидела, как маленький сгусток тумана отделился от общей массы, клубящейся за ближайшими кустами, подплыл к моим сапогам и закружился, как юла, детская игрушка.

А затем я почувствовала чужое холодное дыхание на своей шее. Оно было настолько ледяным, что волосы у меня на затылке подозрительно зашевелились.

«Ты должна понять это сама, Линн».

Когда на плечо упали несколько снежинок, я чуть не от-

прыгнула в сторону, но чьи-то руки легли на плечи — неведомые, холодные, но почему-то очень ласковые, и я застыла.

«Иди!»

И меня легонько толкнули вперёд, к Тропе Оракула. Я обречённо вздохнула и обернулась на своих спутников.

— Рым, Тор? Вы идёте?

Орк кивнул и, взяв лошадь под уздцы, зашагал рядом со мной. А когда я услышала недовольный вздох Тора и его раздражённое бормотание, то поневоле улыбнулась.

Я знала, что ждёт меня впереди. Слишком хорошо знала. Но пока почему-то совсем не боялась.

Интересно, а ты сейчас видишь меня?.. Слышишь? Ты... гордишься мной?

Как бы я хотела это знать...

За пределами повествования

Императорский указ

Пожаловать Люку Кроссу и всем его родственникам титулы Младших лордов (или леди) за особые заслуги перед его высочеством принцем Эдигором.

Подписано в день совершеннолетия его высочества, в год 1756 со дня возведения на престол первого из династии Альтерров.

Сборник указов и положений, архив, императорская библиотека

Дождь барабанил по крыше, выстукивая тяжёлыми, грузными каплями своеобразную мелодию, которая почему-то казалась Эдигору очень грустной.

Наследный принц сидел на крыше, пробравшись сюда через круглое окошко на том самом чердаке, где они с Люком когда-то впервые бились на игрушечных мечах. Слушал стук дождевых капель о черепицу, глядя в клубящуюся вокруг темноту — был уже поздний вечер — и наслаждался одиночеством.

Эдигор сбежал на крышу ото всех. Сейчас он не хотел видеть даже Люка. В этот день наследному принцу исполнилось четырнадцать лет, и по этому поводу устраивался грандиозный бал, несмотря на болезнь императрицы, плохую погоду и отвратительное настроение самого виновника торжества. Подарки, дикое количество гостей (в основном из Старших лордов и леди), разноцветные платья, костюмы, неискренние улыбки и не менее неискренние поздравления.

К концу дня Эдигор почувствовал, что звереет. Даже он, всегда такой спокойный и уравновешенный, не выдерживал всего этого пафоса и мишуры. И самое главное, чего он не мог понять — зачем? Ну да, ему четырнадцать, а это значит, что он теперь совершеннолетний. Ну и что? Зачем ради этого устраивать такой кошмар? И ладно бы ещё какие-то политические интересы, так нет — император просто хотел порадовать сына. Да уж, порадовал так, что теперь Эдигор сидел

в полном одиночестве на крыше замка, под проливным дождём, без всякого зонта, и пытался успокоить рвущееся наружу раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.